

ЛЮБОВЬ, ИСПЫТАННАЯ ВРЕМЕНЕМ

СОЛОМЕЯ и КУДЕЯР

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

Ожившие предания

Александр Проzorов

Соломея и Кудеяр

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Прозоров А. Д.

Соломея и Кудеяр / А. Д. Прозоров — «Эксмо»,
2017 — (Ожившие предания)

ISBN 978-5-699-92808-8

Для Соломеи Сабуровой – дочери корельского воеводы – новость о том, что Государь всея Руси пожелал женить своего сына, молодого князя Василия, оказалась впечатляющей, но еще большей неожиданностью стало решение отца отправить ее в Москву на смотрины невест. Конечно, в сопровождении пожилой тетки Евдокии да двух слуг. Компания верная, но не особенно занятная. Встретившийся же им в пути веселый и бойкий юноша Кудеяр, который взялся оберегать Соломею в дороге, сразу покориł ее сердце. Боярин полюбил девушку всей душой, питая надежду вскорости стать ее мужем. Ведь ясно как день, что среди множества знатных красавиц, прибывших ко двору, затеряться просто, а шанс хотя бы попасть на глаза Великому князю ох как мал! Однако дерзкий поступок Соломеи в присутствии Василия и его свиты враз перевернул всю ее жизнь, оказавшись судьбоносным не только для нее...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92808-8

© Прозоров А. Д., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Прозоров

Соломея и Кудеяр

Часть первая

Дочь корельского воеводы

Глава первая

11 июня 1505 года

Окрестности крепости Корела

Нынешняя весна выдалась ранней и теплой, незаметно перейдя в жаркое лето, и потому уже в конце мая кое-где на южных склонах холмов и каменистых россыпей неприхотливая лесная земляника стала показывать красные бока. К середине же июня многие поляны и опушки буквально зарумянились от обилия сладких ягод, маня жителей редких приладожских селений небывало щедрым урожаем. На одной такой полянке, между весело журчащим где-то под кустами ручьем и просторным озером Вуокса, сидели на корточках неподалеку друг от друга пять совсем юных девочек, не спеша заполняя берестяные лукошки.

Раскрасневшиеся от жары, розовощекие, с длинными косами за спиной, выглядели они почти одинаково: серые сарафаны из грубого домотканого полотна, надетые поверх таких же серых, но ситцевых рубах, от которых наружу выглядывали только длинные рукава; белые платки на головах, из-под которых опускались на спину русые и черные косы, у некоторых из-под подола выглядывали кончики кожаной обуви. Однако же пояса девочек ясно доказывали, что они отнюдь не ровня. В двух ягодницах простолюдинок выдавали толстые, сплетенные из матерчатых обрезков кушаки, с которых свисали замшевые мешочки и короткие, с ладонь, ножи с засаленными рукоятками; другие три девочки были опоясаны настоящими ремнями в три пальца шириной – украшение куда более дорогое. Ножи и ножны у них были новые, вместо мешочков – аккуратно сшитые замшевые с тиснением поясные сумки, а у одной нож оказался не с простой деревянной рукоятью, а с костяной, и ножны украшали белые, костяные же, резные накладки. Не каждый боярин или купец подобное баловство мог себе позволить – юной дочери дорогое украшение на пояс повесить.

С ясного неба, голубизну которого лишь слегка разбавляли редкие кучевые облака, светило солнце, счастливо пели в кустарнике птицы, журчал ручей. Со стороны озера слабый ветерок тянул влажной прохладой, смешивая ее с ароматами луговых цветов, стрекотали тут и там кузнечики – и быстро мелькали белые тонкие пальцы, переправляя алую сладость то в лукошко, а то и в рот, увлажняя красные девичьи губы.

– Соломея, а чего ты ленту себе в косу не вплетешь? – неожиданно спросила ягодница с самым богатым поясом. – Тебе ведь вроде уже пятнадцать? Стало быть, женихов привечать в пору!

– Токмо весной исполнилось, – подняла голову девочка постарше, опоясанная ремнем. Круглолицая, курносая, с пронзительно-голубыми глазами. – Ты сама-то, Купава, вон тоже не топишься!

– Мне матушка ноне повелела до осени потерпеть, как молодой боярин Саженов из ополчения вернется, – широко улыбнулась кареглазая Купава. – Это который Федор, Дерванов сын. Батюшки уже обговорили. Как переплетусь, так сразу сватов и зашлют. Вот и жду. Коли пото-

роплюсь, другой кто может появиться. Отказывать придется, а сие обида. Вражда ненужная появится. А уж когда листва пожелтеет...

Девочка пригладила свою толстую косу и забавно фыркнула носом. Похоже, именно ради этого хвастовства перед подругами она и затеяла весь разговор.

– А я, как вырасту, обязательно за князя замуж выйду! – клятвенно заверила вторая опоясанная ремнем девочка, лет одиннадцати на вид. – За самого молодого и красивого!

– Ох, Мария, Мария, – засмеялись старшие подруги. – У князей для замужества княжон в достатке найдется, до детей боярских не снизойдут!

И Купава степенно уточнила:

– Так уж истари заведено, что князья на княжнах женятся, бояре на боярках, купцы на купчихах, смерды на смердках, мастеровые на мастеровичках. И дети боярские тоже на равне своей женятся, а не на знати родовой. Куда уж нам к князьям в родичи набиваться!

– А я все равно за князя выйду! – упрямо насупилась девочка.

– А меня бы за Тришку замуж выдали, боярышня, – внезапно подала голос одна из простолюдинок. – Он холоп, я девка дворовая. Нечто мы не ровня?

Тоже голубоглазая и круглолицая, внешне она чем-то напоминала сестер, однако смотрелась уже достаточно взрослой – лет восемнадцати, если не более.

– Да сколько тебе уж сказывали, Заряна, нельзя Тришке жениться! – укоризненно вздохнула Соломея. – Холоп он, на службу с батюшкой али братом моим выходит, в порубежье со схизматиками и басурманами рубится, татей ловит, в походы ратные выступает. А ну, убьют его в сече, что тогда? Вдовой с сиротами останешься, кто кормить вас, растить и одевать станет?

– Батюшка твой, Соломония Юрьевна, тоже в походы исполчается, и ничего, – буркнула себе под нос девка. – Троих детишек завел.

– Мы, Заряна, дети боярские, мы с земли и службы кормимся, – наставительно ответила пятнадцатилетняя девочка. – Коли чего с батюшкой случится, надел останется, по миру не пойдем. Брат мой ныне аккурат там, за хозяйством приглядывает, пока батюшка здесь, в Кореле воеводой служит.

– Так и нас с Тришкой в насельники переведите! – восторженно воскликнула девка. – Землица-то у вас есть, боярышня, сама сказываешь. Нечто пахарь новый лишним вам скажется?

– А Тришка-то твой согласится за сохой ходить, Заряна?! – весело поинтересовалась Купава. – Чай, не для того он в холопы закупался, чтобы землю копать и хвосты коровам крутить. Жить парень пожелал страшно, но весело. А ты его в хомут запрячь норовишь!

– О, легок на помине! – Девушка выпрямилась, прикрывая ладонью глаза от солнца. – Скачет...

И правда – звонко цокая подковами по часто выпирающим из тропинки камням, через луг промчался всадник, осадил скакуна неподалеку от девочек, резко поклонился с седла:

– Возвращайтесь в крепость, боярышни, батюшка кличет!

Разгоряченный конь хрипел и крутился на месте, не в силах понять, отчего его так внезапно остановили, но холоп уверенно держался в седле: широкоплечий, высокий, в синей атласной рубахе и красных суконных шароварах, заправленных в бордовые сапоги, опоясанный длинной кривой саблей. Бородой и усами Тришка еще не обзавелся – так, пушок слабый курчавился на верхней губе и на подбородке, – однако голову уже брил, закрывая макушку мягкой, вышитой шелковой нитью, войлочной тафьей, как именовали на Руси свои, местные, тубейки.

Заряна чуть не застонала при виде красавца, насмерть разбившего ей сердце, но остальные девочки только встревожились:

– Что случилось? Свеи?! – Первой мыслью у жительниц порубежья была, понятно, о войне или набеге соседей.

– Не, – мотнул головой Тришка. – Вестник с Новгорода приплыл. Грамоты привез, указы княжеские. Юрий Константинович как глянул, аж в лице изменился. Меня сразу в седло и за вами послал.

Девочки переглянулись. Мысль о возможной опале показалась им куда более страшной, нежели возможный набег немногочисленных и плохо вооруженных соседей-схизматиков.

Боярский сын Сабуров получил место корельского воеводы «в кормление» как награду за перепись земель Онежской пятины – работу трудную, долгую и кропотливую. И если вдруг его труд показался дьякам Поместного приказа нерадивым – расплачиваться за незаслуженную оплату придется многократно. И службой, и лишениями.

– Поспешайте, боярышни! – кивнул еще раз холоп и пнул пятками чалого скакуна, снова пуская в галоп, кинул через плечо: – Сообщу, что упредил!

Соломея, с грустью глянув в лукошко, полное едва на треть, вздохнула:

– Ладно, Мария, пойдем, коли надобность такая. Заряна, догоняй.

* * *

Крепость Корела, срубленная из толстенных, в полтора обхвата, северных сосен, возвышалась на каменистом острове у самого истока Вуоксы, вытекающей из озера в суровую Ладогу, и надежно перекрывала схизматикам путь на Русь жерлами десяти пушек, способных стрелять каждая каменным ядром размером в человеческую голову. Однако, при всей своей неприступности, она имела серьезный недостаток – малые размеры, всего сто на полтора шагов. Во время войны, при осаде, здесь могли худо-бедно вместиться все жители города и окрестных деревень – но для обычной жизни она была, конечно же, слишком тесной. Посему в мирные годы твердыня использовалась скорее как большой амбар, в башнях и стенах которой, под надежной охраной караульных, у людей хранились съестные припасы, оружие и ценные вещи, сами же корельцы жили на южном берегу реки, в просторных избах, возле бань, хлевов и огородов. Здесь же находились и базар, и ремесленные мастерские, и купеческие путевые сараи. Возле южного берега тянулись также причалы для торговых кораблей. Здесь, конечно же, стояла и воеводская изба, в которой платилась пошлина, собирались подати и в которой именем Великого князя вершился суд по случающимся между жителями спорам.

В знойный летний полдень город стоял почти пустым. Весь скот жители выгнали на пастбища еще на рассвете, сами разошлись по делам и работам. Шум, стуки и перекрикивания доносились только со стороны причалов, где перед новыми дальними походами ремонтировались потрепанные штормовой Ладогой или побитые о скалы камнистой Вуоксы корабли – корельским плотникам работа всегда находилась, только тес успевай подвозить.

Девочки быстро пробежали по пыльным улицам, нырнули на огороженный тыном воеводский двор, через заднюю дверь вошли в избу, оставив лукошки на кухне, перешли на чистую сторону дома и постучались в дверь воеводской горницы:

– Звал, батюшка?

– Заходите, заходите! – Воевода Сабуров одет был по-домашнему: длинная красная рубаха выпущена поверх штанов и опоясана кушаком, на бритой голове – только любимая выцветшая тафья, когда-то вышитая покойной супругой. Длинная седая борода, расчесанная, мирно покоилась на груди. Юрий Константинович сидел за столом, усыпанным свитками, три из которых были развернуты и прижаты, чтобы не скручивались, один – чернильницей и ножом, два других – просто окатанными камушками. – Наконец-то! Заждался уж совсем!

– Случилось что, батюшка? – опасливо прокрались в комнату девочки.

– Еще как! – несильно стукнул кулаком по столу воевода. – Гонцы наши, вестимо, на улитках по дорогам скачут, по три месяца от Москвы до нас добираясь! Еще в марте указ великокняжеский подписан, ан сюда его токмо сегодня доставили! Теперича тебе, милая, надлежит

всего через две недели в Твери перед повитухами предстать. Путь долгий, часа лишнего на сборы не остается. Иначе не поспеть.

– Куда, батюшка? – все еще не понимали сестры.

– Разве я не сказал? – удивился воевода, поднял со стола один из свитков и взял его между ладонями: – Государь наш, Великий князь Иван Васильевич, сына женить намерен. Ради счастья чада своего желает он самую красивую деву со всей Руси для него сыскать. Ради того повелел своим указом во всех городах и всех землях самых первых красавиц определить и ко двору на смотр представить. Из тех красавиц самую прекрасную его сын выберет и с нею обвенчается, дабы потомки рода великокняжеского не токмо знатностью всех превосходили, но и обликом своим. Вот так, Соломеюшка моя. Краше тебя никто из девиц мне неведом, посему и выбирать нечего. Ты от Корелы ко двору и поедешь.

– Куда? – охнула девочка, ощутив в животе острый едкий холодок.

– А я?! – возмущенно воскликнула Мария.

– Милая, ты же еще маленькая, – улыбнулся младшей дочери отец.

– Сами вы маленькие! – выкрикнула Мария и, еле сдерживая слезы, выскочила из горницы.

– Хорошо, Зубарь в городе был, выручить согласился, – бросил свиток обратно на стол воевода. – Обещается уже завтра к крепости Ладожской тебя доставить. Дальше самим придется, его шитик токмо в обузу выйдет. Срок совсем малый, дабы до Твери поспеть. Тетка вещи твои уж уложила, по разумению своему, сундук холопы к причалу понесли.

– Почему в Тверь-то, батюшка? – только и нашлась что спросить Соломея.

– Повитухи... Осмотреть должны, чтобы здорова была, изъянов никаких... Все же невеста государева. Идеальна быть должна и обликом, и состоянием своим... – Юрий Константинович опять разворошил свитки, нашел под ними отделанную резной костью небольшую шкапулку, обошел с нею стол, встал перед дочкой. – Вот... Это мамино, матушки твоей. Серьги, кольца, ожерелья, браслеты... Украшения... Пусть удачу тебе принесут, Соломеюшка.

Воевода передал шкапулку девочке, отступил на шаг и широко ее перекрестил:

– Ну, с богом! В светелку к себе поднимись, посмотри, может, еще чего взять захочется? Переоденься в дорогу, там тебе приготовлено. Я покамест тоже оденусь, проводить... – Не удержавшись, он обнял дочку еще раз и решительно приказал: – Все, ступай!

Меньше чем через час они уже подошли к причалам, вытянувшимся вдоль берега Вуоксы: боярский сын Юрий Константинович, переодевшийся в подбитый горностаем красный суконный кафтан и соболью шапку – теплые не по погоде, но по воеводскому месту положенные, – и юная Соломея, Соломония Юрьевна, теперь уже не в полотняном сарафане, а в ситцевом, обильно вышитом красной и синей нитью, в украшенном бисером голубом кокошнике и со спрятанными под полупрозрачным шелковым платком волосами.

Вслед за девочкой Заряна несла небольшой мешочек с вещичками, каковые показались нужными в пути самой Соломее, да гордо вышагивал Тришка, составлявший собою единственным всю воеводскую свиту.

Все четверо остановились на причале возле одномачтового шитика – сшитого из досок кораблика шагов пятнадцати в длину и четырех в ширину, по темно-синим бортам которого вились сарацинской вязью причудливые зеленые травы с алыми цветами.

– Здрав будь, боярин! Доброго тебе дня, Юрий Константинович! Здравия желаем, – завидев воеводу, стали торопливо кланяться корабельщики. А один из них, тощий и высокий, с длинной и узкой, похожей на селедку, рыжей бородой, добавил: – Уложили уже вещи-то, батюшка! Евдокия Ивановна прибирается.

– С богом, доченька, – повернув к себе, обнял девочку боярский сын Сабуров. – Жаль с тобой расставаться, да грех такую возможность отнимать. Коли не попытаешься, всю жизнь

корить себя станешь. Ну, а не получится, то и ладно. Стало быть, не судьба. Вот, держи грамоту к воеводе тверскому. Отписал, как положено, что краше тебя на ладожских берегах не сыщешь.

Воевода чуть отступил, передал дочери туго скрученный свиток и размашисто ее перекрестил.

– Что же я... – растерянно оглянулась на кораблик девочка. – Одна?

– Почему одна? – удивился Сабуров. – Тетка Евдокия с тобой... Хотя...

Боярин заколебался. Он, похоже, сообразил, что пожилая приживалка ни расторопной служанкой, ни подружкой для бесед, ни защитницей в долгом пути быть не способна. Пригладет, позаботится, опытом своим в делах рассудительных подсобить – это да. Но чтобы в нынешнем переменчивом мире со всеми хлопотами управиться, степенности и рассудительности зачастую слишком мало. И Юрий Константинович решительно махнул рукой:

– Тришка, Заряна, на борт! С Соломеей поедете. Головой за нее отвечаете, смотрите у меня! – Он внушительно сжал кулак, погрозив им холопу.

– А-а-а... – растерянно раскрыл рот паренек, но перечить не рискнул, решительно махнул рукой, поправил на боку саблю и поднялся по сходням. Следом забежала на шитик девка.

Воевода последний раз поцеловал девочку в щеку и помог ей подняться по сбитому из жердей помосту. Корабельщики засуетились, сдергивая с причальных быков канатные петли, поднимая весла, отталкиваясь ими от причала.

Судно медленно, с некоторой степенностью, откатилось от берега и, подхваченное течением, покатило на восток, к Ладожскому озеру. Юрий Константинович прошел до конца причала и долго смотрел шитику вслед, на стоящую на корме шуплую фигурку. Смотрел до тех пор, пока корабль не скрылся за излучиной. Только после этого он перекрестился и честно признался самому себе:

– Лучше бы ты под отцову руку, доченька, вернулась. Ровно сердца кусочек оторвался...

* * *

Юная Соломония, столь внезапно выброшенная из дома в огромный мир, тоже не испытывала большой радости от выпавшего на ее долю шанса. Она стояла и смотрела на корму до тех пор, пока не ощутила, как кто-то принялся распускать ее косу.

– Ты чего? – обернулась девочка на служанку.

– Пора, боярышня. – Заряна показала Соломее атласную синюю ленту, взятую из походного мешочка. – Ты отныне на выданье. Посему косу с лентой положено носить. А то как же скажут: в невесты собралась, а себя за девочку малую держит? Невместно оно получится. Смешно.

– Когда еще спросят, Заряна? Токмо до Твери – и то еще плыть и плыть.

– Да кто же его знает, боярышня, когда взгляд нужный на тебя падет? – Пальцы служанки продолжали споро перебирать ее волосы. – Лучше уж заблаговременно переплестись, нежели в нужный миг неготовой оказаться. А ну, нам навстречу уже струги с гонцами высланы? Подплывут, спросят: «Где невеста великокняжеская?!» А ты простоволоса!

– Скажешь тоже, Заряна... – улыбнулась девочка и наконец-то отвернулась от уходящего назад берега. – Пойдем вперед, я хоть сяду. А то качает уже вовсю.

Шитик же тем временем по коричневым водам Вуоксы вытек на простор Ладоги и с шелестом развернул оба огромных треугольных паруса, плавно поворачивая на юг, поперек крутых белопенных волн.

* * *

Зубарь, сын Кулыча, происходил из семьи олонецких купцов – однако в торговле ему никогда не везло. Хорошо, коли продавал себе в убыток, хоть не так обидно. Но чаще купленные в далеких краях дорогие ткани плесневели, посуда серела или бурела, вино кисло, еду портили мыши или жучки... Ну, не любили боги Зубаря, не помогали!

Зато корабельщиком он был знатным; ветра и течения чуял нутром, мели замечал изда-
леча, суда свои любил – и ушкуи, струги, ладьи и шитики отвечали ему взаимной любовью, слушаясь руля, не трескаясь и не протекая, и никогда при Зубаре не портилась оснастка и не рвались паруса.

И быть бы разорившемуся купцу кормчим у более удачливого конкурента – однако судьба свела мужчину со слугой Великого князя, получившего указ составить опись северных земель. Несколько лет Зубарь провел на службе у боярского сына Сабурова, плавая по заливам и протокам Онежского озера, помогая вымерять расстояния между мысами и селениями, переписывать ловы и пашни, рисовать леса и наволоки. Платила казна скупно, но постоянно, и потому очень скоро бывший купец расплатился с долгами и остепенился, начав даже подумывать о женитьбе. С делами же торговыми порвал окончательно, переделав трюмы своего шитика в удобное жилье, разделенное на три светелки – для себя, боярина и команды. Теперича сходить на берег им требовалось разве только для бани да припасами дорожными запастись. В остальном же – якорь бросай, где темнота застигла, да и спи. И сказки свои для Поместного приказа Юрий Константинович тоже мог прямо на борту в светелке своей составлять.

Понятно, что для боярского сына Сабурова Зубарь готов был на все – и совершил настоящее чудо, уйдя на простор Ладожского озера так далеко, что и берега не различить, и не спустив паруса, не встав на отдых даже в ночной темноте. В то время как юная Соломея спала в отцовской каюте, корабль, мерно раскачиваясь, храбро резал невидимые черные волны – и с первыми лучами солнца вошел в устье Волхова, уверенно пробиваясь против течения под косым ветром, едва не опрокидывающим судно.

По счастью, рисковать, черпая левым бортом воду, пришлось всего несколько часов. Незадолго до полудня шитик домчался наконец до устья реки Ладожки. Пролетев на всех парусах мимо длинной череды причалов, Зубарь приказал свернуть полотнища только под стенами крепости, резко переложил руля и, быстро теряя скорость, выскочил носом на отмель перед самым Ладожским перекатом.

Несколько корабельщиков прыгнули за борт. Стоя по колено в воде, приняли сундук, несколько дорожных узлов, поймали на руки и перенесли на берег путниц – Тришка, сняв сапоги и засучив шаровары, гордо выбрался сам.

– Удачи тебе, Соломония Юрьевна! – пожелал девочке Зубарь.

Корабельщики навалились на борта, приподнимая нос и сталкивая шитик на воду, поймали сброшенные им канаты и ловко вскарабкались наверх, в то время как течение уже уносило судно обратно на север.

– Спасибо! – помахала им рукой дочь воеводы.

– Послезавтра уж в Кореле будут, – не без зависти вздохнула тетка, оглаживая свой коричневый одноцветный сарафан. – Нам же еще ехать и ехать... Вы, боярышня, покамест здесь посидите. Я схожу, возок какой найду али хоть телегу.

Дородная Евдокия, тяжело дыша, стала забираться по тропинке, огибающей крепостную стену.

Здесьняя твердыня была не в пример Корельской – каменная, каждая из двух возвышающихся над путниками башен размерами в половину всей Корелы, а в высоту – сажен пятна-

дцать, не менее. Причем сия огромная стена уходила вдоль берега вдаль на добрых две сотни сажен – не из всякого лука от одного края до другого стрелу добросишь.

Впрочем, главной защитой Господина Великого Новгорода как от иноземных врагов, так и торговых конкурентов, желающих просочиться в русскую глубинку, была не сама крепость, а череда бурных и мелководных волховских порогов, проходимых только в весеннее половодье. Ведь крепость, как бы сильна и неприступна ни была, можно захватить, одолеть. Людей можно подкупить, обмануть, запугать. Пороги же ни победить, ни перехитрить невозможно. Хочешь не хочешь, победитель ты али проситель, ан все едино: к берегу приставай, выгружайся. А тут уже и перекупщики дожидаются. И куда деваться, коли своим ходом пути дальше нет?

Однако для Соломеи эта трудность оказалась лишь на пользу – ибо тракт меж Ладогой и Новгородом был оживленный, извозом изрядное число людей занималось. Оглянуться не успела – а по тропинке уже спустился вслед за теткой усатый мужик, бодро ухватил сундук за боковую петлю, перекинул на спину, свободной рукой взял крупный узел, утробно гукнул:

– И-и-эх... За мной пошли, гости дорогие! В целости доставим!

Прочие мешки подобрали Заряна и Тришка, потрусили за мужиком. Все вместе они обогнули башни, на утоптанной площади перед воротами погрузили в кибитку, крытую рогожей поверх каркаса из прутьев. Женщины забрались внутрь, холоп же пошел следом, дабы паре лошадей было хоть немного легче. Мужик тоже садиться на козлы не стал – взял в руки вожжи, тряхнул:

– Н-но, родимые! – и широко зашагал возле переднего колеса.

– Зело торопимся мы, сердешный, – обосновавшись на сундуке, обратилась к возничему Евдокия. – Можно как-то побыстрее до Новгорода добраться?

– Коли серебро есть, красавица, то все можно, – пожал плечами мужик. – Если лошадей на свежих поутру перепрягать, то запряженных без отдыха днем гнать получится. Тогда до темноты не десять верст, а все двадцать можно проходить. Через пять ден уже в Новгороде будете!

– Устроишь сие?

– Отчего и нет? – Возничий тряхнул вожжами, заставляя лошадей ускорить шаг. – Дворы по пути все знакомые. Знают, что коней не испорчу. Полушка же лишняя никому не помешает. Куда же вы так торопитесь, гости дорогие? На свадьбу али на похороны?

– В Тверь, – лаконично ответила тетка.

– В Тверь лодка надобна, туда телегой не добраться, – задумчиво сказал мужик. – Коли не стругом, а челноком плыть, то и вовсе любого верхового опередить можно.

– Полагаю, мил человек, у тебя и средь лодочников знакомые имеются?

– Который год на дороге сей кормлюсь, – пожал плечами возничий. – Путников повидал без счета, и у каждого нужда своя. Иные каждый день на постоялом дворе отдыхают да в баньке парятся, а иные последнюю рубаху снять готовы, лишь бы несколько дней в пути дальнем выручить. Есть средь знакомцев моих и те, кто для торопыг сих старается. Недалече отсель, в Грузино. На челне легком возят. Быстро, ровно у Сири-птицы на спине. Коли пары монет не пожалеете, гости дорогие, могу свести.

– Тетушка, зачем? – не выдержала Соломея.

– Отец твой повелел серебра не жалеть, но прочих девок новгородских нагнать, – ответила Евдокия, поправляя платок, обрамляющий круглое, с оспинками лицо, и высунулась из под качающегося края рогожи наружу: – Будут тебе монеты, милоч. Вези!

Бригадир гребцов запросил с путников аж три рубля серебром. Деньги совершенно лихие, за таковые на торгу пять коров-двухлеток купить можно, да еще на козу останется – однако приживалка, следуя воеводской воле, торговаться особо не пыталась, и на рассвете

боярская дочка и ее спутники погрузились в легкий, длинный и узкий берестяной челнок, связанный из ивовых прутьев и сосновых корней.

Ватажники и сами напоминали обликом прочные, как сталь, сосновые корни – худущие и жилистые. Все пятеро, как на подбор, с рыжими бородами, примерно одного роста и возраста. То ли друзья-погодки, то ли и вовсе братья. Работали они молча и слаженно – видать, притерлись за долгие годы. Длинные широкие лопасти мелькали с частотой по гребку на два удара сердца, входя в воду совершенно без брызг и выскальзывая с тихим шипением, а челнок шелестел по поверхности, словно раздвигая прелую прошлогоднюю листву.

Возничий не обманул – легкая лодочка даже против течения мчалась так быстро, что могла бы обогнать бегущего человека. Ватажники почти не отдыхали – еще бы, за такие-то деньги! – и к концу второго дня уже добрались до Новгорода. Задерживаться не стали – пока светло, сразу повернули во Мсту и до темноты успели подняться по ней на несколько верст.

Новым днем рыжие бородачи преподнесли новый сюрприз. Когда лодка домчалась до нижнего переката, гребцы не стали пристраиваться в хвост череде стругов, ношв и ушкуев, ждущих своей очереди к волоку, дабы одолеть препятствие по смазанному салом дубовым полазьям. Мужчины приткнулись к берегу под самым порогом, споро выгрузили немногочисленные пожитки, легко подняли челнок на руки, перенесли по берегу на полтора сажени, за торчащие из русла камни, второй ходкой отнесли вещи и снова вышли на воду.

Невелика хитрость – а полдня пути всяко спасла.

Порогов же на Мсте, известное дело, целых пять!

На седьмой день пути путники добрались аж до Вышнего Волочка. Здесь, уже знакомым способом, ватажники опять обогнули волок, пронесли лодку вдоль двухпутного деревянного настила по самой обычной тропинке, опустили челнок в воды пока еще совсем узенькой Тверцы – и уж вниз по течению даже не понеслись, а буквально полетели. И к полудню нового дня впереди засверкали золотом многочисленные церковные купола.

Всего за десять дней юная Соломония Сабурова одолела путь, который обычно занимает никак не меньше двух месяцев, и двадцать первого июня гордо прошествовала через Торопецкие ворота богатой купеческой Твери.

21 июня 1505 года

Тверской детинец

Тверской воевода князь Сумароков был тучен, седобород, морщинист и страдал одышкой. Однако же гостей встретил в тяжелой бобровой шубе и бобровой же высокой шапке, шумно пыхтя от жары. А как иначе? Знатному человеку в шубе на людях появляться надобно, а не в рубахе и штанах, ровно смерд нищий шастать. А уж тем паче – в казенных палатах сидеть, на кресле судейском. Сиречь – при должности.

Прочитав грамоту Юрия Константиновича, он поднял голову, негромко кашлянул:

– Славно, славно. Хоть корельский воевода распорядителен оказался, и то добро. Мои-то тверские-то красавицы еще неделю тому в Москву отъехали, а с севера доселе ни единой весточки. Не иначе, брезгуют новгородцы Великим князем, норов свой опять показывают.

– Как брезгуют? – изумленно вскинула голову Соломея.

– Нешто так ни единой и не явилось, батюшка? – куда более размеренно переспросила ее тетушка.

– Четверо приплыли, – вскинул пальцы князь. – С Тихвина да с Олонца. Да и из тех половику повитухи завернули. Одну больной сочли, другую – бедрами узкой. Тяжело такой рожать-то, как ей род великокняжеский продлевать? Князь Чаломеев аж запил от позора. Полагал ко двору не меньше полусотни красавиц отборных доставить, а в руках всего две оказалось. Ты третьей станешь. Исполнил, называется, поручение государево. В Москву хоть не возвращайся, засмеют.

– Не огневается Великий князь на Новгород-то за обиду? – забеспокоилась Евдокия, но тверской воевода не ответил, отмахнулся:

– Подворники вас к Полковой башне проводят, там располагайтесь. Баня протоплена. Как рухлядь уложите, сразу парьтесь идите. Устали верно, с дороги-то?

– Как не устать, батюшка? – поспешила пожаловаться тетка. – Ночевали-то на земле голой, где тьма застанет. Подстилку кинем и спим. И кушали на ходу токмо рыбу вяленую али соленую да пироги, коли у берега купить удавалось, водой речной запивая...

Но воевода, тяжело пыхтя, лишь отмахнулся. Он, похоже, задал вопрос разве что из вежливости, в душе мечтая побыстрее избавиться от посетительниц и скинуть наконец жаркую тяжелую шубу... Соломония поняла это первой, поклонилась, дернула Евдокию за рукав:

– Пошли, тетя. У князя, верно, дел важных в достатке.

– За мной, за мной ступайте, – подсустилась стоявшая у дверей женщина в простом белом сарафане и сине-красном платке. – Вы, верно, твердины нашей и не знаете вовсе? Ну, тогда и до бани тоже провожу.

Полковая башня стояла примерно посередине восточной крепостной стены, аккурат напротив воеводских покоев, отделенная от них огромным пятикупольным храмом, каменным, с выбеленными стенами, золотыми шатрами и высокими узкими окнами, забранными слюдой. Бревенчатая башня на фоне богатой церкви выглядела скромно: высотой ниже чуть не вдвое, а шириной – так и вчетверо. Между тем пять ярусов рубленого укрепления могли вместить сотни две воинов, если не более. Судя по тому, что внутри под стенами лежали горами тюфяки из травы, она для того и предназначалась, ополчение в случае войны принимать.

– Вот, укладывайтесь, где душе угодно, – щедро предложила их провожатая. – Ваши землячки на третьем жилье поселились. Можете к ним подняться, а можете другое выбрать.

– Лучше здесь, боярышня! – взмолилась Заряна, что вместе с холопом несла сундук да еще и узел через плечо.

– А хотите, потом куда лучше переберетесь, – предложила женщина. – Вы пока рухлядь с мальчиком оставьте, я вас до бани провожу. Может статься, разбирать и не понадобится.

Евдокия и Соломея переглянулись, и тетка сказала:

– Обожди чуток, милая. Я токмо исподнее чистое достану.

Баня стояла, понятно, на берегу Тверцы – и женщинам пришлось еще раз пересечь мощный дубовыми плашками двор. Зато внутри низкой широкой избы их ждало настоящее блаженство: горячий влажный воздух, полные котлы горячей воды и бочки с холодной да ароматный щелок, белый, черный и зеленый на выбор.

Похоже, тут совсем недавно кто-то мылся: полки были еще влажными, тут и там на стенах и полу прилипли березовые листья, и воздух еще хранил травянисто-можжевеловый аромат ошпаренных веников. Но путниц это не смущало – для того ведь бани и рубят, чтобы не простаивали. Воды кто-то натащил, шайки-ковшики приготовил – за то работнику низкий поклон и благодарность. Женщины торопливо скинули в предбаннике одежду, плеснули на раскаленные камни воды, с наслаждением вытянулись под самым потолком, пропитываясь жаром и покоем, сбрасывая усталость.

Они успели пару раз натереться здешним щелоком, разведенным каким-то травяным настоем, и ополоснуться, постегать друг друга вениками и снова ополоснуться – когда в дверь постучали, и женский голос громко позвал:

– Какую из вас Соломонией кличут? Выходи сюда!

В предбаннике оказались три пожилые, уже одетые вразнобой тетки: кто в сарафане, кто в безрукавке с юбками; одна в кокошнике – остальные в платках. Они без смущения стали ощупывать девочку пухлыми мягкими пальцами – ровно скотину на рынке.

– Тоща больно девка-то! – заметила одна. – Кожа да кости! Груды малы совсем, токмо соски и торчат.

– Чего же вы хотите от малой девы?! Пятнадцать лет всего! – вступилась за воспитанницу выскочившая следом Евдокия. – Грудь настоящая у бабы появляется, когда первый раз понесет!

– Без тебя знаем, не маленькие, – грубовато ответила повитуха. – Бедра да, широкие, рожать легко будет. А мясо... Мясо нарастет. Коли кость крепка, то и тело будет. Рот открой, дай на зубы глянуть...

Соломея послушалась, и тетка удовлетворенно кивнула:

– Крепки, хоть орехи коли! Ровно жемчуг сверкают.

– С лица гладкая, тело без оспин, – добавила вторая. – Родинок тоже немного, не портят.

– Без изъянов, в общем, – подвела итог третья и положила ладонь Соломее на плечо: – Ступай, девочка, парься.

Облегченно вздохнувшая красавица послушно вернулась в парную, еще раз ополоснулась из шайки – но настроение париться прошло. Девочка вышла, переделась в чистую рубаху, зачерпнула ковшом из бочонка заботливо принесенный кем-то квас, попила.

– Тебе бы не квасу, а медку хорошо ноне пить, – присоветовала тетка. – От хмельного питья, известное дело, щеки румянятся и тело рыхлее становится. Девка пухлая да румяная завсегда краше кажется, тебе сие ныне на пользу. И спать хорошо бы поболее. Вот, душегрейку мою накинь, дабы не простыть, да в башню пошли. Ты ляжешь, а я на базар обернусь. Гляну, чем Тверь нынче богата.

Тверь оказалась богата копчеными судаками, каковых Евдокия принесла целых три себе и воспитаннице, да еще два для слуг. Наевшись и напившись досыта, да после баньки, да оказавшись на мягкой постели после полутора недель скудости и жесткой подстилки, Соломея не просто заснула – провалилась в беспамятство, вовсе не заметив ночи. Показалось – токмо-токмо веки сомкнула, ан чуть не над самой головой звонкий юношеский голос прокричал:

– Петушок пропел давно! Всем насыпано пшено! Сколько можно спать, девицы-красавицы?! Паруса уже слежались, весла усохли, ушкуй застоялся. Пора в дорогу!

– Чего орешь как оглашенный? – услышала девочка недовольный шепот воспитательницы. – Не видишь, что ли, почивают все!

– Это ты, что ли, невеста великокняжеская из Корелы? – удивился голос. – Коли ты там первая красавица, я туда точно носа ни в жисть не покажу!

– Тебе-то что за дело, окаянный?

– Мне по повелению государеву велено невест из двери к престолу доставлять. Так что, какая ты ни есть, ан собирайся!

– Не морочь мне голову, трепло базарное. Ни в жисть не поверю, что ты и есть князь Чаломеев!

– А я и нет! – весело согласился голос. – Али ты полагала, знатный муж самолично станет лодки гонять да кибитки пересчитывать? Не-ет, княже с воеводой здешним пирует да указания великомудрые отдает. Хлопоты же на нас, боярских детях. Так чего, матушка, поедешь в Москву, пред очи государевы казаться али передумала уже? Невеста с возу, кобыле легче!

Соломея наконец-то открыла глаза и повернулась на спину. Теперь шумный гость стал ей хорошо виден: зеленые глаза, широкая улыбка на веснушчатом лице, сдвинутая вперед, почти к самым бровям коричневая тафья, синий расстегнутый кафтан, из-под которого проглядывала золотистая атласная косоворотка, красные полотняные штаны. Пояс добротный – тисненый, с украшенным шелковыми кисточками подсумком, замшевые ножны и чехол для ложки. Без сабли, правда, – ну да в мирное время оружие на Руси мало кто с собою носит. Усы и борода еле различимы. Похоже, и второго десятка парень еще не разменял.

«Симпатичный, не нищий, званием ровня, – подтягивая шерстяное одеяло выше к подбородку, машинально отметила девица достоинства незнакомца. – Тафья без вышивки... Нечто

даже сестры нет, головной убор украсить? А уж невеста нареченная точно без подобного подарка не отпустила бы! Значит...»

Соломония спохватилась – и мотнула головой, отгоняя ненужные мысли.

Что ей за разница, обручен боярский сын али нет? Она ведь к княжичу государеву в невесты едет!

– Ну вот, разбудил! – вздохнула Евдокия. – Уйди, охальник, снаружи подожди! Дай девице подняться спокойно!

– Я-то подожду, – отступил паренек. – Да токмо недолго. Ибо чтобы в Клин затемно поспеть, нам поскорее отвалить надобно. А уж вы сами решайте, куда вам нужнее: в Москву со мною сейчас прямо али обратно в Корелу без поспешания?

– Да иди же, не понукай! – отмахнулась тетка. – Скоро мы, скоро!

Боярский сын вышел, и девочка, вздохнув, откинула одеяло.

Собралась Соломея споро. Да и чего собирать, коли вчера токмо прибыли и разложиться не успели? Однако же вышла все едино последней. Ее соперницы были уже здесь – румяные, статные. Обе заметно более высокие и в теле, обе на пару лет старше, обе в бархатных платьях и кокошниках с жемчугами. Обеих сопровождали хорошо одетые бояре – вестимо, отцы или братья – и по паре служанок. Девочка же нарядилась в льняные рубаху и сарафан, хоть и с вышивкой, да голову платком повязала.

Однако веселый парень, окинув ее взглядом, одобрительно хмыкнул:

– Ан, пожалуй, и в Корелу заверну по случаю, – и крутанулся: – Пошли!

– Пешком?! – возмутилась одна из девиц.

– Уж прощения просим у княжьей милости, ан за сто сажений ехать возка не заложили, – развел руками боярский сын. – Не отвالتها, мыслю, руки у слуг ваших сундуки через калитку пронести?

Идти и вправду пришлось совсем недалеко. Сразу за соседней башней наружу, к реке, вела тайничкая калитка. А под ней у причала – покачивался вместительный одномачтовый ушкуй.

От корельского шитика московский ушкуй отличался лишь тем, что жилье у него размещалось не на носу, а на корме и был заметно меньше в размерах. Зато пар весел у ушкуя имелось целых четыре супротив двух.

Соломея в тесную каморку к соперницам и их родичам не полезла – встала у борта на носу, вдыхая прохладный речной воздух и следя за проплывающими мимо перелесками и распаханными полями, провожая взглядом проносящихся над головой ласточек.

– Не простудишься, красавица? – бесшумно подобрался рядом боярский сын.

– На небо посмотри, добрый молодец, – посоветовала девочка. – Зной такой стоит, что угореть впору.

– Не напечет, красавица? – поправился парень.

– Ты чего к деве юной лезешь, охальник? – забеспокоилась сидящая неподалеку на сундуке Евдокия. – Ну-ка, прочь ступай! Не про твой роток ягодка сия созрела!

– Я не лезу, мамаша! Я о красавице берегусь, – весело возразил боярский сын. – По государеву, заметь, повелению!

– Откуда ты такой взялся, оберегальщик, на нашу голову?! – тяжело вздохнула тетка.

– Кудеяр из Тишенкова я, мамаша, по отцу Семеныч, – с готовностью ответил парень. – А вы из каких будете?

– Соломония я, Юрия Константиновича дочь, – ответила девочка. – Внука Сабурова.

– Сабур – это который Четам двоюродный брат? – восторженно Кудеяр. – Да мы же родственники! Мой прадед за Чета сестру свою отдал, у них детей трое родилось. Имяне неподалеку от Костромы родовое.

– Какие же это родственники? – улыбнулась Соломея. – Седьмая вода на киселе.

– То смотря для чего, красавица, – живо возразил боярский сын. – Коли в Москве при дворе обитать, то одна семья, кровные родичи и помогать должны друг другу. Тянуть, возвышать, прикрывать. Родичи – они ведь всегда лучшая опора! Ну, а коли свататься, то да, верно сказываешь. Какие мы родственники? Да никакие! Самое время породниться!

Девочка снова улыбнулась. Мысль о том, что Кудеяр Тишенков имеет полное право к ней свататься, показалась ей неожиданно приятной.

– У тебя хоть надел-то свой имеется, жених? – вроде как с насмешкой спросила она. – Куда жену молодую приведешь? Али весь твой дом седло да сабля?

– В новики в книгу Разрядную записан, значит, на службе. А коли служивый, земля полагается. Поместный приказ пару лет потянет, а опосля отрежет где-нибудь на Двине али в Каргополье. Куда они денутся? – резонно ответил паренек. – Все мы седлом и саблей начинаем, как же иначе?

– Иным новикам отцовская земля остается.

– Это коли один али двое. А коли четверо? На четверых самый богатый удел подели – и все нищими смердами вместо бояр окажутся...

Веселье Кудеяра заметно пригасло, и девочка поняла, что попала ему по больному месту. Видать, паренек как раз таким четвертым, младшим-безземельным, и оказался. Но пока она раздумывала, как утешить боярского сына, тот подался вперед, прищурился:

– Да это же Перунов дуб! Быстро сегодня добрались. Или за беседой так показалось? Рядом с тобой, красавица, вся жизнь как миг единый проскочит, только зазевайся! – опять взбодрился паренек, подмигнул Соломонии и побежал на корму.

Водный путь обманчив. Бывает – с порогами да перекатами, да супротив течения десять верст неделю одолевать будешь. А бывает как сейчас: вниз по быстрой Волге, да подгоняемый веслами ушкуй еще до полудня одолел почти тридцать верст. Коли пешему человеку – то, почитай, два полных дня пути.

Но от Перунова дуба Волга резко отворачивала на восток, даже к северу, и потому здесь великокняжеские невесты пересели на дожидавшиеся их возки.

Кибитки показались Соломее роскошными, богатыми: выстелены кошмой, крыты кожей, изнутри подшиты сукном. Однако ее спутницы, усаживаясь, презрительно фыркали носом. А их свита – и вовсе задержалась. Токмо служанки к господам забрались да часть вещей забрали.

– По-ошел! – не обращая внимания на недовольство путниц, махнул рукой Кудеяр, и повозки закачались, стуча обитыми железом колесами по камням.

Девочке из Корелы здесь было непривычным и странным все – поражала даже дорога, столь широкая, что по ней легко могли бы ехать бок о бок сразу четыре телеги. Дабы не допустить грязи в распутицу, тракт был отсыпан мелкой речной галькой, перемешанной с песком, через ручейки, даже совсем мелкие, каковые возок и так легко бы переехал, были перекинута бревенчатые мостки шириной со всю дорогу, каждая верста отмечалась столбом с сарацинскими цифрами.

А уж сколько тут было путников! И верховые, и пешие, несчитаное количество кибиток, роспусков, шарабанов, бестарок, подвод и одноколок – люди ехали и попутно, и навстречу, кто-то обгонял их возки, кого-то опережали они... Соломея даже не представляла, что столько народу может оказаться вдруг разом в одном и том же месте! Пожалуй, в пределах ее видимости сейчас было больше повозок, нежели имелось во всей Кореле и окрестностях.

– Не укачало, красавица? – Кудеяр нагнал их верхом на чалой кобылке, поравнялся с сабуровской кибиткой. – Знамо, по камням трястись радости немного, да токмо водой добираться – это поперва Волгой до Нижнего Новгорода, а потом обратно Окой и Москвой-рекой чуть не до этих самых мест. Два месяца пути выйдет, не менее! А посуху за два перехода доберемся.

– Опять ты здесь, оглашенный! – вместо девочки ответила Евдокия. – Все пялишься и пялишься, пялишься и пялишься. Дырку скоро протрешь!

– Так то на пользу токмо при нынешней жаре, мамаша! – осклабился Кудеяр. – Чутка проветриться получится.

– У справной хозяйки дырок не бывает, – наставительно ответила тетка.

– Где же ее в наше время найдешь, справную-то? – притворно вздохнул боярский сын.

– Я одну знаю, – не удержалась Соломея. – Да не про твою честь таковая, добрый молодец!

– Ты ей передай, красавица, врут все про меня злые люди! – попросил Кудеяр. – Со мной знакомая твоя завсегда будет в холе и нежности, в тепле и заботе. Пусть токмо откликнется! Какова она собой? На тебя, надеюсь, похожа?

У девочки по спине от таких слов пробежал пугающий холодок. Вроде как и шутили они с пареньком, ан получалось как-то уж больно по-настоящему.

– Не болтай с мужчиной посторонним, боярышня, – попыталась осадить воспитанницу Евдокия. – Невместно сие.

– Какой же он посторонний? – возразила девочка. – Человек служивый, при деле. Поручение государево сполняет.

– Верно-верно! – обрадовался заступничеству Кудеяр. – Да еще и родич к тому же!

– Зубоскал ты пустой, а не родственник, – сплюнула в сердцах тетка. – Упаси господь от такой родни!

– А родню не выбирают, матушка. Уж какая есть, – развел руками паренек.

– Четыре брата и ни одной сестры? – поинтересовалась Соломея.

– А ты откуда знаешь? – изумился боярский сын.

– Да у тебя это на лбу написано! – ответила девочка.

– Вот проклятье! – Кудеяр толкнул тафью к затылку и потер лоб ладонью: – А теперь?

Соломея расхохоталась, Евдокия опять сплюнула и отвернулась. Заряна покосилась на сидящего на сундуке Тришку и придвинулась ближе к нему. Но холоп молчал, думая о чем-то своем, и девке оставалось только слушать щебет своей хозяйки и веселые прибаутки боярского сына.

За болтовней время летело быстро. В вечерних сумерках небольшой обоз великокняжеских невест въехал в Клин – точнее, в обширные слободы вокруг города – и закатился на один из постоянных дворов.

Здесь их, как оказалось, ждали. И комната для красавиц имела, и места в обширной людской для челяди, и овес для лошадей, и даже ужин горячий.

Правда – платить за еду гостям пришлось из своего кармана.

Впрочем, никого из путников это не удивило. Ведь по издревле заведенному обычаю, князь награждал своих слуг землей, защитой и справедливым судом. Они же за то выходили на службу со своим оружием, лошадьми и припасами. И коли Великий князь призвал к себе невест – почему к ним должен относиться иначе?

Крышу над головой устроил, да еще и возки для дороги дал – и за то поклон низкий. Мог бы и не беспокоиться.

С рассветом девицы снова тронулись в путь. И опять, убедившись, что никто не отстал, вещи не забыты, телеги в исправности, боярский сын Кудеяр, к неудовольствию Евдокии и радости Соломеи, занял место возле задней кибитки, везущей корельскую красавицу.

И чем дальше, тем сильнее девочка ощущала, что с таким мужчиной рядом хоть всю жизнь не расставайся – не загрустишь и без внимания не останешься. Что и сам не обидит, и другим в обиду не даст.

* * *

Москва началась издалека, чуть не за полдня пути. Поперва все чаще и чаще встречались деревни, которые постепенно слились в единый просторный поселок, смыкающийся полями и огородами, а верст за пять до самой крепости – сошлись в единую череду и заборы. Тут и там тянулись к небу дымы, звенели наковальни, стучали молоты, на каждой встречной протоке и ручейке крутилось пусть маленькое, но мельничное колесо, приводя в движение маслобойные и трепальные механизмы, качая меха, вращая чистящие барабаны и вздымая кузнечные молоты.

Столица старательно трудилась, строилась, мастерила – и пахла соответственно: углем и смолой, дымом и кислятиной, опилками и дегтем. Соломея ужаснулась тому, как можно жить в таком чаду – но, по счастью, ремесленные слободы были вынесены достаточно далеко по сторонам, и незадолго до вечера воздух сделался почти чистым. Вместо фабрик и мастерских теперь вдоль дороги тянулись постоянные дворы, конюшни, птичники и амбары, содержимое которых нередко выдавало себя то ароматом пряностей, то запахом копченостей, терпким благоуханием заморского вина, а то и густым духом благовоний.

Внезапно эти строения оборвались – и перед путниками открылись белокаменные стены за широкой, в две сотни сажень, луговиной. По подвесному мосту кибитки прогрохотали через речку – и великокняжеские невесты наконец-то оказались в Кремле.

Главная твердыня Руси размерами не сильно отличалась от других крепостей. Белозерская, новгородская, псковская, смоленская – были, пожалуй что, и больше. Но уж богатством и роскошью – этим с великокняжеской обителью не смог бы соперничать никто. Если в ней стояли храмы – то не просто церкви, а огромные и каменные, да еще и несколько. Если колокольня – то под небеса, в пятнадцать ростов взрослого мужчины. Если хоромы – то три ряда слюдяных окон, да с резными ставнями, да все в разные цвета раскрашены, и даже чешуйчатый тес на крыше – и тот расписной, сине-желто-зеленый. Коли крыльцо – то вычурное, с тремя изгибами широкой крытой лестницы, коли двор мощен – то не каким-то булыжником, а плашками из крепкого, как железо, мореного дуба.

Двор был широк, просторен и застроен самое большее на треть.

Впрочем, это тоже было обычно. Коли война – на свободном месте располагались исполченные для обороны города рати. Да и самим горожанам, под защиту стен спрятавшимся, – также место требовалось.

– Сюда поворачивайте! – Спешившийся еще в воротах Кудеяр повернул налево, между стеной и дворцом, привел обоз к еще одному, менее богатому крыльцу. – Все, выгружайте сундуки. Пошли, горницы покажу.

Не обращая внимание на злобное шипение тетки Евдокии, оберегающей честь своей воспитанницы, боярский сын подал Соломее руку, помогая спуститься.

Девочка колебалась ровно миг – а потом опустила свои пальцы на подставленную ладонь. И словно зябкие, колющие мурашки побежали от кончиков ногтей по всему телу.

Впервые в жизни к Соломонии Юрьевне Сабуровой прикоснулся посторонний мужчина. Ни отец, ни брат, ни родственник. Совершенно чужой мужчина, вполне способный стать ее мужем, ее любимым, отцом ее детей.

Боярышня сошла на плашки – и Кудеяр тут же отступил, сжав кулак. Он словно надеялся сохранить в своей ладони украденное прикосновение. Чутко поколебался и решительно потрянул головой:

– Туфельки свои не растеряли, красавицы северные? Разминайте ножки застоявшиеся, ныне им потрудиться надлежит! Под самую кровлю пойдем, на третье жилье.

Предназначенные великокняжеским невестам горницы оказались просторны на диво – пожалуй, что двадцать на двадцать шагов размером, да с большим светлым окном и обитыми синим сукном стенами. Однако же Кудеяр очень быстро остудил девичий восторг:

– Мыслилось постельничей, не менее полусотни гостей сюда вселится. Однако же ныне лишь вас трое добралось. Посему располагайтесь, красавицы, но о возможных соседках будущих не забывайте. Княжнам с девами худородными жить неместно, посему одна горница княжеская, другая боярская, ан крайняя для детей боярских. Сиречь, для дочерей их. Мужам любим, отцам, братьям, холопам тут пребывать воспрещено. Здесь палаты княгини, женская половина. Днем, коли нужда возникнет, пустят. А на ночь в большой дворец отправляйтесь, в людскую тамошнюю. Время позднее, так что прощайтесь, и я путь туда укажу.

– Поутру явишься, поручение будет! – тут же упредила Тришку тетка Евдокия.

Кудеяр, разведя руками, улыбнулся Соломее, кивнул на прощание и скрылся за дверьми.

* * *

В тиши московского Кремля, под защитой толстых бревенчатых стен, девочка наконец-то власть выпалась – провалявшись на войлочной подстилке аж до полудня. А когда проснулась – ее ждали копченая курица и большой кувшин хмельного меда.

– Ты лежи, спи, да поболее, – заботливо присоветовала тетка, наполняя резной ковш пенным пахучим напитком. – Ешь, пей, меньше двигайся. Тогда и щеки зарумянятся, и ликом шире да круглее станешь. Кудеяр, коли получится, вина заморского купит, от него девки еще краше лоснятся... От вина, сиречь, а не от баламута.

Однако залеживаться великокняжеским невестам не дали – во второй половине дня призвали в баню. И, само собой, в ней оказалось несколько пожилых женщин, внимательно осмотревших гостей. Вот токмо, в отличие от Твери, вслух повитухи ничего не сказали, молчком отпустили.

Соломония сперва побеспокоилась – но потом решила, что кабы негодной сочли, то погнали бы сразу, долго не выжидая. Раз оставили – все хорошо, бояться нечего.

На второй день, несмотря на увещевания тетки, она поднялась вскоре после рассвета и, сопровождаемая Евдокией, холопом и девкой, отправилась смотреть Москву. Как же можно – побывать в столице и не погулять?

Огромный город сразу обрушился на корельскую гостью шумом и многолюдством. Если в белокаменной твердыне было тихо и пустынно, мостовые пахли ладаном, а тут и там устремлялись к небу выбеленные храмы с золотыми куполами – то сразу за подъемным мостом через ров, отделяющий Кремль от Китай-города, в небеса тянулись качели и гигантские шаги, хохотали кружащиеся на каруселях девицы, пели скоморохи, рычали медведи, гуляющие на задних лапах, да еще в шароварах, кричали зазывалы, пытаясь утянуть прохожих в свои лавки. Коробейники норовили всучить кто пирожки, кто платки, кто свистульки; персы в ватных халатах звали покататься на слоне, а бессермены – на верблюде. На одном и том же прилавке смуглые старцы пытались продать и книги, и ковры, и благовония, напротив юную боярышню заманивали торговцы кошмой и складными креслами, под локоток пытались ухватить чеканчики и ювелиры, чуть не под ноги бросались люди, называющие себя портными и обещающие сшить лучшие в мире шубы и сарафаны...

Уже через полчаса привыкшей к тихим деревням и малым крепостям Соломее стало просто страшно. Ей быстро перехотелось искать продавцов тканей, бисера и катурлина – ярких толстых нитей для вышивания. Шарахнувшись от очередного мальчишки, что кинулся чуть не под ноги с туфлями из серой с тиснением замши, – боярышня развернулась, поспешила обратно через ров и с облегчением вздохнула, только оказавшись под стенами гигантской бревенчатой колокольни при храме Иоанна Лествичника. Перекрестилась, охнула:

– Евдокия, мы же уж две недели как в церкви не были! К обедне надо бы сходить да причаститься.

– Лежать тебе надобно да вино с салом кушать, – ворчливо ответила воспитательница. – Вона, кожа да кости одни! Кто на такую позарится? А ты заместо как бока наживать, то на базар, то в церковь убежать норовишь!

– Надо, Евдокия, – упрямо покачала головой девочка. – Не то грех...

Соломея тут же свернула к ближайшему храму, выбрав не большие и торжественные, красующиеся на площади перед дворцом, а скромную церковь в проулке в углу за дворцом, вошла в прохладный дымный полумрак, у входа купила три свечи, зажгла огонь Параскеве за себя, Георгию за отца да у распятия, за милость Всевышнего. Затем направилась к священнику и сказала, что хотела бы покаяться в грехах.

Благообразный старец в вышитой золотой нитью рясе удивленно вскинул брови – однако же исповедь принял и даже епитимьи не наложил, сказав, что пропускать службы во время спешного пути простительно. Однако впредь советовал заутрени не прогуливать.

Соломония так и поступила: каждое утро теперь она отправлялась к службе, остальное же время проводила в светелке. Перебрала собранное в сундуке приданое, после чего села у окна вышивать праздничный сарафан, благо слюда пропускала достаточно света – ровно на крыльце сидишь, а не в доме. Нахрапистый Тришка, коего московский шум ничуть не смущал, все же нашел нужные лотки и купил бисера: яркого – малинового, золотого, синего, зеленого, пурпурного, голубого, огненного. Да еще и недорого – за блеклый, привозимый коробейниками в Сабуровскую усадьбу или предлагаемый свейскими купцами в Кореле, просили вдвое дороже. Посему девочка еще и кокошник свой смогла заметно улучшить, и понишь, волосы укрывающую, сделать новую, красивую.

В таком покое, молитвах и трудолюбии прошла неделя – после чего в верхнем жилье женской половины дворца в один из вечеров внезапно стало шумно и тесно. В горнице, что Соломея уже привыкла считать своей, появились сразу четыре молодые румяные девы, да еще со служанками, а две – и с престарелыми тетками, бдящими честь и воспитание юных боярышень.

– Прощенья просим, краса корельская! – перекрыл общую болтовню веселый голос боярского сына. – Однако же в Новагороде еще девицы юные нашлись. Вот, принимай соседок.

– Умчался, даже не попрощался... – вырвалось у Соломеи.

– Это потому, что в сердце с собою увез, – подойдя ближе, улыбнулся Кудеяр. – Мысленно завсегда рядом видел, вроде как и не было потому разлуки. Вот, посмотри... – Он достал из поясной сумки черненый серебряный браслет, по которому вились во множестве синие эмалевые капельки. Словно дождь летний на него пролился, да и застыл, сохранив в себе небесную синеву. – Вот увидел безделушку сию, ан к глазам твоим она так подходит, что не утерпел, взял для подарка. Прими, сделай милость!

Девочку бросило в жар. Ей не просто впервые в жизни дарили настоящее дорогое украшение. Это делал юноша, пробудивший у Соломеи симпатию и подарком ясно дающий понять, что и она сама вызывает у него ответные чувства. Это было объяснение в любви, отлитое в серебре и покрытое эмалью. И потому для корельской красавицы исчезли посторонние голоса, исчезли теснота и запахи утомившихся в пути великокняжеских невест. У Соломеи застучало испуганно сердце – словно у трепетной дичи в руках охотника, – налились краской лицо и уши. Она потупила взор и произнесла одно только короткое, но заветное слово:

– Да...

Боярский сын вложил браслет избраннице в руку, и от прикосновения пробежали колко мурашки вверх по руке, вырвались на плечо, растекаясь по спине, по груди, тут же напрягшейся, по шее вверх, на лицо – и жар спал. Соломею словно наоборот – в зимний холод

бросило. Она надела браслет на левое запястье, вскинула глаза на счастливо улыбающегося молодца, прошептала:

– Я каждый день к заутрене в церковь Ризоположения хожу. Проводишь?

– На рассвете на женскую половину не пустят, – так же тихо ответил Кудеяр. – У крыльца встречу.

Он слегка поклонился, отступил к двери, позвав за собой гостей мужского полу, скрылся с глаз – и только после этого Соломея услышала горестное причитание тетки:

– Да как же ж-ж можно подарки-то у мужей чужих принимать! Ты же ж-ж уже и обязана ему выходишь, то на обещание похоже, и люди что подумают...

– Это просто браслет, Евдокия, – тихо ответила девочка. – Безделушка, и ничего более.

– Мужики бабам чужим безделушки не дарят! То либо женам, то ли и вовсе срамota! И не думай даже, одну тебя к заутрене не отпущ-шу! Глаза с тебя не спущ-шу с сегодняшнего дня!

– Не отпускай, – безмятежно согласилась Соломея. Она была совершенно, безнадежно счастлива. И все прочее в этот миг было ей безразлично.

* * *

Храм Ризоположения от входа в женскую половину великокняжеского дворца находился совсем недалеко, сажений триста, не более. Однако же молодые люди никуда не спешили, и путь у них получился долгий, заметно больше часа.

– Вовремя вы отъехать успели, – шурысь на солнце, сказывал Кудеяр, одетый лишь в алую косоворотку и синие полотняные штаны, заправленные в красные сафьяновые сапоги. Бритую макушку боярского сына прикрывала все та же простенькая коричневая тафья, в каковой он появился еще в первый раз, в Твери. – Почитай, тем же вечером туда сразу два каравана добрались, из Новгорода да со Пскова. Князь Чаломеев возрадовался всемерно, однако же братчину свою с воеводой не бросил. Токмо повод у побратимов поменялся. До того с горя да позора вино заморское переводили, теперь же от радости. Через день же еще и из Смоленска красавицы добрались да от Себежа. Всего ровно пять сотен числом. С одного Новгорода четыре ладьи! Сказывали, чуть не на неделю раньше вас из города отбыли. Как вы их опередили, уму непостижимо!

– Поспешали на совесть! – не стерпев, втиснулась в разговор тетка Евдокия.

Воспитательница семенила позади парочки, следя за безопасностью и непорочностью боярышни. Она постоянно норовила втиснуться между молодыми людьми. Получалось это плохо, однако же взяться при ней за руки Кудеяр и Соломея все же не рисковали. Даже просто плечами соприкоснуться – и то не получалось. Оставалось только разговаривать. Да и то набравшийся впечатлений великокняжеский слуга больше сказывал, а девочка – слушала.

– Вот уж все на девах сих припоздавших отыгрались вдосталь! – покачал головой Кудеяр. – Ох, сквитались за волнения предыдущие. И повитухи сквитались, и подьячие, и князья тоже повеселились. Одних восвояси отправляли за родинки на плечах али шее. Про лицо уж и не сказываю. Иных за то, что волос жидкий, коса с волосом чужим вплетенным али короткая просто. Кому из повитух бедра не нравились, кому зубы неровными казались, кому глаза малыми. Подьячим то возраст больно малым али великим казался, то родовитость сомнительна, родители в малом числе по коленам расписаны...

– Какая родовитость? – забеспокоилась Соломония Сабурова, что сама была из детей боярских. Ниже из людей свободных – токмо крестьяне.

– Да-да, – согласился Кудеяр, – князья наши, Сумароков да Чаломеев, многих завернули лишь потому, что недостаточно родовитыми сочли, дабы перед государем предстать. Вишь, дочерей боярских к тебе токмо четыре добавилось. Вестимо, родичи как-то побратимов умаслили. А писари в избе земской на то лишь смотрели, как родословная составлена. Коли что

не нравилось, то прогоняли, и все. Чего им старания прикладывать, коли из десяти дев девять отослать надобно? Только к полусотне придинок ни у кого не нашлось. Их и доставил.

– Здесь тоже больше пяти сотен собралось, болтун костромской! – опять втиснулась в беседу тетка. – Голубке нашей, дабы среди них пред князем не потеряться, кушать хорошо надобно да отдыхать, а не по церквям темным, душным да дымным стоять али ноженьки свои в ходьбе пустой стаптывать. Обедать давно пора! А вы все ходите да ходите, ходите да ходите! К дому поворачивай, Соломеюшка. Хватит уже попусту время тратить.

Молодые люди послушались, свернули к дворцу. У крыльца, поднявшись на пару ступеней, девочка обернулась:

– Тафья твоя скучна больно, Кудеяр. Давай хоть крестиками вышью. Али коловратом могу. Или вязью сарацинской. Хочешь?

– О пущей радости и мечтать не мог! – сдернув свою тюбетейку, боярский сын протянул ее корельской красавице.

Соломея приняла головной убор, и опять касание мужских пальцев заставило ее вздрогнуть и зардеться.

– Что же тебе вышить, добрый молодец? – шепотом спросила она.

– Имя! – моментально ответил Кудеяр. – Имя главное, заветное, кое до часа своего последнего в сердце стану носить.

– А вдруг ошибусь? – посмотрела ему в глаза Соломея.

– Значит, судьба моя такая, – еле заметно пожал плечами Кудеяр. Однако его горящие глаза ясно доказывали, что ошибиться невозможно. – Завтра перед заутреней я тебя встречу. Да?

– Эк ты быстр, добрый молодец, – рассмеялась девочка. – За день вышить не успею. Хорошо постараться, и недели будет мало.

– Так ведь я не про тафью спрашиваю. Я про первую красавицу земли русской.

– Хватит уже проход загораживать, боярышня. Пойдем! – не выдержав, перебила Евдокия. – Вы так до утра прощаться станете. Завтра опять день будет, утром и договорите.

– Доброй тебе ночи, Соломея! – вскинул руку, прощаясь, Кудеяр.

– До завтра, боярин! – улыбнулась в ответ девочка и стала подниматься по лестнице.

Едва за ними закрылась тяжелая дверь, как пожилая женщина тяжело вздохнула:

– Что же ты делаешь, деточка? Забыла, зачем столь долгий и тяжкий путь мы с тобой одолели? Государыней ты стать можешь, государыней всех земель русских, половины мира! Ты же глазки мальчишке дворовому строишь, в любовь играешь. А ну, выберут тебя в княгини великие, что тогда делать станете?

– Слугой его близким сделаю! – с легкостью ответила боярышня. – Нешто у государыни преданного слуги быть не может?

– За такого слугу и государыню в монастырь быстро постригут, – тяжело поднимаясь по лестнице, сказала Евдокия. – Негоже допускать подобного бабе замужней. Грех то большой, завсегда проклинаемый. И служители христианские тоже сказывают. Нельзя никого любить, кроме мужа своего. И помыслить о том недопустимо!

– Князья на княжнах женятся, тетушка, – после малой запинки посетовала Соломония. – Бояре на боярынях. Я же из детей... Кто меня во дворец великокняжеский возьмет? Пустое. А Кудеяр мне по душе. Веселый он и любит. Я прямо чувствую, как тепло ко мне из него льется.

– Хочешь стать государыней земли русской? – остановилась на середине пролета лестницы Евдокия. – Правительницей мира великого, всевластной княгиней! Желаешь сего, чадо мое любимое, али нет?

– Хочу, – после небольшого колебания честно ответила девочка. – Кто же не хочет? Это же какая сказка наяву получится – из корельского леса да на трон!

– Так судьбой тебе сия сказка подарена, Соломея! Пусть шанс малой, чудесный, но есть он все же! – наклонилась к самому ее лицу воспитательница. – Крохотный, знамо, да к чему и его отталкивать, коли появился? Ты хочешь стать государыней?!

Соломония попыталась представить себе, как это: повелевать всеми князьями и боярами, самой же никому не подчиняясь. Делать все, что пожелаешь, и весь мир будет исполнять любые твои прихоти. Вся казна – твоя, все земли – твои, все рати, города, реки, озера – все принадлежит тебе. Ты властна надо всем, над тобой же – никто и ничто.

Попыталась – и не смогла. Вся ее прежняя жизнь была слишком далека от любых подобных даже не возможностей – от подобных мечтаний. Никакие сказки не могли поведать о том, каково это – быть великой княгиней. Равно как невозможно понять смертному, как живут и о чем помышляют небесные богини.

Все это пронеслось в голове девочки, и она, сглотнув, кивнула:

– Да, я хочу.

– Ну, так старание к тому хоть какое прояви! В строгости себя чти, веди достойно, о красоте заботься да на молодцев пригожих и краем глаза не косись! Кудеяр твой, знамо, красивый да ласковый, однако же баловству сему предаться завсегда успеешь. Коли отворот дадут от порога великокняжеского, тогда ему в ворот и поплачешься, пусть пожалеет. До того же часа веди себя так, ровно ты уже государыня и есть! Дабы ни сомнений, ни подозрений не возникало! За две-три недели ближние судьба твоя решится. Будущее твое между величием и серостью вечной на волосинке висит. Нешто ради этого всего несколько дней с глупостями девичьими чутка не потерпеть?

Евдокия опять тяжело вздохнула и пошла далее.

– Я потерплю, тетушка, – кинувшись следом, пообещала Соломея. – Все, что скажешь, сделаю! Коли любит – не забудет, не пропадет. А государыней стать я и вправду хочу! Честное слово, тетушка, хочу!

Однако все обещания юной красавицы пошли прахом, едва наутро она увидела Кудеяра, стоящего возле крыльца в кафтане с желтыми шелковыми петлями, в горностаевой шапке и с саблей на поясе. Девочка широко улыбнулась, стремглав сбежала по ступеням, и желание у нее внезапно осталось только одно: прикоснуться к руке паренька, ощутив блаженную колко-горячую волну, услышать его голос, поймать улыбку.

– Ты чего это ныне такой грозный, баламут? – удивилась Евдокия, спускаясь следом без особой спешки.

– При службе сегодня, матушка, – пригладил рукоять сабли Кудеяр. – Дни ближние будут хлопотливыми.

– Так и служил бы, боярин! Чего пришел?

– Упредить хочу без ушей лишних. Весточка тайная, и о ней более никому, – понизил голос паренек.

– Что же у тебя за тайны такие важные оказаться могут? – не без презрения хмыкнула женщина.

– По службе моей, по службе, – понизил голос боярский сын и властно накрыл ладонью оказавшиеся на перилах пальцы Соломеи, перешел на шепот: – Завтра к заутрене оденьтесь в лучшее и украшения не забудьте. Дев прибывших повитухи да боярыни еще вчера осмотрели, в размышлениях ныне пребывают, кого гнать, кого для смотрин оставить. Княжич же желает лично на гостей глянуть, как бы невзначай, дабы и самому мнение иметь. Для сего он к службе и придет. Сей миг лучшим и будет красотой его поразить. На пирах да на торжествах прочих по родовитости гостей сажают. Там потеряешься, и не увидит!

– Верно ли сие? – усомнилась тетка.

– Я в карауле усиленном на три дня, – объяснил парень. – Князь Чаломеев за наследника беспокоится, каковой без свиты придет. От того и ведаю. Прости, красавица, надобно бежать.

Кудеяр отпустил руку девочки и быстрым шагом пошел вдоль стены.

– Вот он, день твой, деточка, – прошептала Евдокия. – Упустить нельзя, не воротишь. Прихорошить тебя надобно со всем тщанием да освежить и прирумянить.

– Зачем он это рассказал, тетушка? – совсем о другом спросила погасшая лицом Соломея. – Я ему не по нраву? Хочет отдать меня наследнику?

– Понравится Кудеяр тебе хочет, вот и старается, – успокоила ее Евдокия. – А наследнику понравится еще суметь нужно. Просто на глаза попасться, и то удача... Да не о том ты мыслишь, чадо! Ну-ка, скажи: ты желаешь стать государыней? Желаешь? Желаешь?! Тогда прочие мысли из головы выбрось! Токмо об одном думай: место твое на троне! На троне, а не в толпе!

* * *

К этой заутрене Соломея готовилась еще с предыдущего полудня. Заряна вплела в косу боярышни запасенный в узлах Евдокии пучок конских волос, отчего главное украшение любой женщины чуть не на треть прибавило в толщине, обновила атласную ленту на яркую малиновую. В обед и ввечеру кушала девица только телячью печень и жирный свиной окорок; нарядные сарафан, кокошник и понизь были тщательно просмотрены и поправлены в местах, где бисер и вышивка держались не очень прочно; височные кольца, браслеты, серьги и ожерелье были начищены до зеркального блеска. Красавицу уложили спать задолго до темноты, а поутру тетка заставила ее выпить целый ковш красного немецкого вина с приторно-вишневым запахом – дабы кожа зарумянилась и голос умягчился.

Вместе со служанками девочка отправилась к храму – и едва ступив на площадь, поняла, что тайна боярского сына Кудеяра Тишенкова оказалась не такой уж и великой. О появлении Василия, наследника престола великокняжеского, знали если не все невесты, то большая часть девушек точно. И потому все пространство между главными московскими храмами было тесно заполнено нарядными красавицами, стоящими вдоль пути от крыльца дворцового до крыльца в белоснежный Благовещенский собор где в два, а где и в три ряда.

Сарафаны из бархата и шелка, из парчи и атласа, из индийского сукна тончайшей выделки и нежнейшей персидской шерсти. Понизи княжон и боярышень светились отборным жемчугом, на кокошниках переливались самоцветы, пускали радужные блики бусы из драгоценных камней, яхонтовые вошвы на плечах и рукавах, золотые браслеты, серьги и кольца... И Соломея с острым разочарованием поняла, что нет и не может быть у нее никаких шансов привлечь взгляд Василия Ивановича, что среди прочих дев в своем бисерном кокошнике да чистеньком льняном сарафане с вышивкой простым катурлином выглядит она, словно бледная моль на сиреневой татарской кошке.

– Идет, идет... – пробежал по рядам шепоток.

Девушки – и невесты, и служанки красавиц – качнулись вперед, вскинули подбородки, перебросили через плечо толстые косы с роговыми и золотыми гребнями и заколками, затолкались плечами. Даже Заряна и Евдокия втиснулись в общую толпу, дабы увидеть собственными глазами будущего государя. И только Соломея осталась чуть позади, в гордом одиночестве, в полной мере осознавая наивную безнадежность совсем еще недавних, буквально утренних мечтаний.

Никогда не бывать даже самой красивой малиновке женой кречета, не бывать нежной лани женой могучему лосю, не бывать дочери боярского сына женой князю Великому. Так уж устроен сей мир, что будь ты хоть лучшей из лучших – ан не бывать. Не судьба.

Сын Великого князя неспешно шел по мостовой между рядами девушек – высокий, статный, широкоплечий, в округлой бобровой шапке, в бордовой ферязи без рукавов, густо вышитой золотой нитью, опоясанный широким ремнем с солнечно-янтарными накладками. Вроде

как никого не рассматривал, голову держал прямо, однако глаза его скользили по сторонам, то вправо, то влево. Позади семенили несколько князей, вышагивали рынды – телохранители в белых кафтанах с короткими бердышами.

Десяток шагов – и корельская красавица осталась за его спиной.

Трудно сказать, что толкнуло в этот миг Соломонию на безумство: то ли обида из-за украденной мечты, то ли отчаяние безнадежности, то ли растекшийся по жилам полный ковш крепкого вишневого вина – но девочка вдруг подняла голову и громко крикнула:

– Куда же ты пошел, княже?! Краше меня все едино никого не сыщешь!

Василий обернулся на возглас, и они встретились глазами. Карий взор молодца с пушистой еще бородкой пронзил девушку, и Соломония вдруг ощутила, как сердце ее остановилось и как внезапно что-то едкое зашипало в животе.

Она сглотнула.

Сердце спохватилось и застучало часто-часто, наверстывая упущенное. Едкость в животе превратилась в тепло, и только легкая слабость разлилась по телу.

Княжич обернулся к свите, что-то сказал. Князья засмеялись, все вместе бояре ускорили шаг. Толпа же девок и женщин заколыхалась, зашипела:

– Бесстыдница! Никакой скромности! Бессовестная! Нахалка! – и это были еще самые безобидные из эпитетов, что пришлось услышать Соломее.

Резко крутанувшись, она убежала к великокняжеским хоромам, взметнулась вверх, упала лицом на свою постель.

Девочка не рыдала, нет. Она испугалась. Поразились тому, как дрогнула ее девичья душа под взглядом княжича. Почти как от подарков, как от слов и прикосновений Кудеяра.

Это что же получается – она влюбилась сразу в двоих?!

Что же делать теперь? Как поступить, как выбрать?

– Да какая разница? – буркнула Соломея, натягивая одеяло и накрываясь им с головой. – Василия мне все едино боле не видать. Погонят ныне же за бесстыжество...

Права корельская красавица оказалась только наполовину. С сего дня Соломонию Сабурову более никуда не звали – ни на пиры, ни на праздники, ни просто в палаты дворцовые. Ее гордые соседки, что ни день наряжаясь то туда, то сюда, поглядывали на бесстыдницу с пренебрежением, даже не заговаривали с опозорившейся гостьей, однако... Однако на дверь девочке тоже никто не показывал. Ни словом, ни намеком о ненужности не сказывали, караульные у ворот и крыльца пропускали с поклоном. Вестимо – узнавали.

Съезжать сама она тоже не спешила. Ходила на службы – обратно в тихую церквушку Ризоположения, занималась вышиванием и старалась не завидовать своим более знатным и удачливым соперницам. Тем паче что на третий день Кудеяр избавился-таки от излишней службы и снова стал встречать девочку у крыльца. Тетка супротив сих свиданий более не протестовала – хотя наедине молодых и не оставляла, – и потому путь с церковной службы получался долгим и приятным, да и само богослужение казалось радостнее и душевнее.

– Пожалуй, завтра будем прощаться, – в один из дней сказала Соломея.

– Почему? – удивился боярский сын. – Нечто случилось что?

– Да, Кудеяр, – кивнула девочка, которую он держал за руку. – Ты думал, отчего я здесь засиделась, домой не еду? Зарок свой просто исполняю. Обещала ведь тафью вышить? Вот ныне и закончила. Утром отдам.

– Только не завтра! – взмолился паренек. – Смилуйся, хоть два дня мне подари!

– Да что они изменят, Кудеяр? – пожала плечами Соломея. – Ясна судьба моя, как Карачунова ночь. Обратно под родительский кров возврататься.

– От службы отпрошусь, провожу, – сжал ее пальцы паренек. – Надобно хоть за день другой князя упредить!

– Зачем меня провожать? – смущенно улыбнулась девочка, в то время как сердечко ее сладко заныло. – Сюда же доехала, и ничего.

– А хорошо ли это, краса северная? – покачал головой боярский сын. – При каждой деве должен находиться тот, кто живота своего не пожалеет ради чести ее, покоя и счастья. Провожу до порога родного, с отцом твоим познакомлюсь. Может статься, он мне и на будущее в доверии таковом не откажет.

– Не знаю, прямо... – совсем зарделась Соломея. – Но коли с батюшкой моим так свидеться желаешь, то так и быть. Два дня пережду.

13 августа 1505 года

Московский Кремль

Для переезда до Волги Кудеяр нанял бричку – легкий возок с плетеным верхом над сиденьями возле задних колес. Соломее большего и не требовалось: сундук и несколько узлов помещались позади, сама она с теткой Евдокией на сиденьях, Заряна напротив. Кудеяр же и оба холопа – ее и боярского сына – скакали верхом.

Сразу после заутрени путники выкатились из крепости через Боровицкие ворота, прогрохотали колесами и подковами по мосту через Неглинку, выехали на широкую улицу, огражденную амбарами и тынами постоянных дворов.

– Ныне быстро доберемся, – пообещал Кудеяр. – Лето к исходу повернуло. Многие купцы, в Персиях, Сарае и сарацинских краях затоварясь, на север груженные идут. Так что попутный корабль найдем с легкостью. До Вышнего Волочка доползем, а там на Мсту, и вниз по течению, токмо деревья замелькают.

– Четверо сыновей, сказываешь, и ни одной сестры? – Взгляд Соломеи задержался на тафье паренька, по краю которой изящной сарацинской вязью тянулось ее имя, вышитое красной и желтой нитью, на макушке же блестело бисером восьмиспицевое колесо коловрата, символа солнца и вечности. – Каким же ты оказался?

– Третьим, – признался боярский сын. – Уделу, понятно, столько воинов не прокормить, посему старших отец решил при земле оставить, с нее исполчаться. Мне же серебром долю отсыпал. Невелико наследство, зато сразу. В новики же я еще от отцовского удела записан. А из разрядной книги, известное дело, токмо в монастырь али в могилу выписаться можно. Федька-Последыш, кстати, и от того отказался. В Холмогоры подался, торговать. О злате, вишь, мечтает. Чтобы неслитано, немерено, и все в его сундуках.

– А ты о чем мечтаешь?

– Так со службой вроде как наладилось, – пожал плечами боярский сын. – К делу приставляют, на прилежание не жалуются. Коли служивый, обязаны земли нарезать. Иначе к каковому ополчению приписывать? Мыслью, вот-вот дадут. Тогда и дом нормальный появится, усадьба...

Всадники скакали широким походным шагом, покачивалась бричка на пологих дорожных ямах. За беседой показались впереди уже и ремесленные слободы – как вдруг позади послышался конский топот, улюлюканье, и вскорости, нагнав бричку, закружились возле нее полтора десятка всадников: уздечки с колокольчиками серебряными да золотыми клепками, седла резные, попоны вышитые. И не простой нитью – а серебром да золотом. Каждая упряжь – что деревня целая стоит. Седоки тоже под стать: шапки соболями, пояса наборные, ферязи золотом блещут, рукава рубах шелком отливаются, на перстах самоцветы блещут, на плечах цепи золотые...

– Куда же это ты направилась, красавица заозерная? – задорно спросил один из всадников, и опять от взгляда карих глаз словно споткнулось сердце Соломеи.

– Да вот, княже, заскучала, – все же взяла себя в руки девочка и ответила тоже весело, с улыбкой: – Батюшку навестить собралась. А ты тут какими судьбами, Василий Иванович?

– Да вот... – Княжич натянул поводья, вынуждая коня встать на дыбы. – Обещала ты, что краше тебя не найти, и ведь не получается! Смотрины последние на понедельник назначены, а ты вдруг отъезжать собралась! Нехорошо так поступать, обман сплошной выходит. Возвращайся давай. Токмо не в матушкины хоромы, а в терем Большого дворца вселяйся. Там ныне твое место.

– Коли так по нраву пришлась, – чуть не зло ответил Кудеяр, – отчего на пиры не звал, на праздники дворцовые?

– Ты еще кто такой, вопросы мне задавать? – хищно прищурился на него княжич, и конь, почувствовав недовольство седока, оскалился, захрипел.

– Родственник! – кратко бросил боярский сын.

Василий оглянулся на какого-то пожилого мужчину из свиты. Тот недоуменно пожал плечами.

– Соломонию я и без того разглядел, – решил-таки ответить княжич, – посему покамест с прочими знакомился. Ее же через неделю призовут...

Девочка сглотнула, невольно сжав кулачки.

Василий знал ее имя!!!

Такого случайно не происходит. Раз знал – испросил особо.

– Коли родич, вертай коней, в Кремль сестру вези, – уверенно распорядился княжич. – Где терем, ведаешь?

– Знаю, – хмуро кивнул Кудеяр.

– Вот и хорошо... – Василий дал шпоры коню, и кавалькада унеслась к центру Москвы.

– Что же теперь будет? – неуверенно спросила Соломея, когда затих дробный стук копыт. Она старалась не смотреть в глаза своего почти уже состоявшегося жениха. Девочка не знала, что сказать, и не понимала, что чувствует. Она была совершенно уверена, что любит Кудеяра, любит сильно и искренне. Но так же честно она могла поклясться и в том, что любит юного княжича.

Как могло одно маленькое девичье сердце вобрать в себя сразу два столь сильных чувства – ни одна сказка никогда не сказывала, ни одна подруга подобным не делилась, да и тетка Евдокия ни разу не помянула, как поступать при подобной напасти?

– С минуты сей ни к чему незнакомому не прикасайся, людей чужих обходи, сама никогда не пей, еду же принимай токмо из моих рук али из рук тетки своей, – чужим голосом сказал боярский сын. – А ты, Евдокия, никогда более дважды в одной лавке ничего не покупай! И вас, холопы, это тоже касается!

– Это почему?! – возмутился Тришка.

– Потому, что Соломея супругой государя будущего вот-вот стать может, – холодно сообщил Кудеяр. – За таких женихов соперницам не глазки выцарапывают, как на торгу новгородском. В Москве сопернице и яду легко подсыпать могут, и убийцу подослать, и порчу смертную навести. О том ныне постоянно помните и ничего чужого, случайного даже близко к себе не подпускайте!

– И ты поможешь? – неуверенно переспросила девочка.

– Помогу...

На душе боярского сына было пусто и черно, словно душу выжгло убийственным лесным палом. Но все же... Но все же ему было легче принять Соломею чужой, нежели мертвой. Успев покрутиться при дворе, Кудеяр понимал, что наивную девочку с северной окраины здешние князья истребят моментально, едва почувствуют в ней соперницу. Спасти невесту могут только изгнание или венец. Поднять руку на жену наследника – это уже совсем другое, нежели уморить худородную девицу. Но до того...

А еще оставалась надежда, что Василий почудкует, да и передумает. Князя на худородных девках не женятся. Такового с сотворения мира отродясь не случалось! Авось – и теперь шуткой обойдется...

* * *

Теремом Большого дворца было отнюдь не помещение над воротами, как могло показаться из названия, а отдельные хоромы, выстроенные прямо на крыше, заместо обычной кровли. Небольшая уютная избушка – токмо на высоте. И смотрелась она, ровно из сказки принеслась: гульбище округ дома с резными перилами, стены канатами конопляными проконопачены, ставни узорчатые, окна большие, да еще и мозаикой разноцветной собраны. Внутри же и вовсе чудо: потолки расписные, стены шелками цветастыми украшены, на полах ковры пушистые, скамьи кошмою толстой обиты, заместо сундуков – шкафы высокие, от пола и до потолка, постель же – ровно жилье особое, уютное. Край высокий, внутрь токмо с приступки попасть можно, размерами с сажень в ширину и полторы в длину – вчетвером вместиться впору, и тесно не станет. И все ложе – сплошная перина! Ложишься – и как в прудике теплом в воду погружаешься...

– Сие место для детей великокняжеских делалось, – открыл секрет сказки Кудеяр. – Семь светелок, семь спаленок. Не все, знамо, заняты оказались, ныне же и вовсе некому играть. Посему, мыслю, красавиц лучших сюда и вселили. Сколько комнат, столько дев для смотрины последних и отобрали.

– Красота-то какая! – восхищенно обошла светелку девочка. – Счастливы малыши, кому в чуде сем расписном расти доведется.

– Тришка, у двери отныне сиди и к боярышне никого не допускай, – хмуро и решительно распоряжался тем временем боярский сын, – будь то хоть девки, хоть князя или княгини, бояре али священники, да хоть богиня Табити собственным обличем! Никого. Духаню, холопа своего, я тебе в смену оставлю, на случай, коли отлучиться понадобится. Сами тоже ни к кому не ходите. Коли встретите, в дверях и проходах раскланивайтесь, в комнаты же ни ногой! Невесте больной прикинуться несложно, вас же тут же в колдовстве али отравлении обвинят. Кушать и пить токмо свое! Да и то лучше то, что я принесу. Вам и подбросить могут, здешние злодеи твари зело ушлые...

Его речь оборвала решительно распахнувшаяся дверь, в светелку вошел Василий, одетый в этот раз по-домашнему: в сиреневые шаровары и алую шелковую рубаху, опоясанную ремнем с янтарными бляшками. Следом молчаливо протиснулись рынды – двое бояр в жарких кафтанах.

– Добралась-таки, Соломея? – обыденно спросил юноша. – Как устроилась?

– Благодарствую, – зарумянившись, низко поклонилась девочка. – В диво дивное попала, прям не знаю, пугаться али радоваться.

– Чего же тут пугаться, милая?

– А вдруг проснусь?

Василий рассмеялся, оглядываясь, но тут заметил Кудеяра и сразу нахмурился:

– Ты здесь, оказывается, родственник? Что-то в грамоте, с Соломонией присланной, ни о каких родичах Сабуровских не упоминается!

– В пути познакомились, княже, – слегка, с достоинством, склонил голову перед наследником боярский сын. – Так вышло, предки наши в третьем колене через брак породнились.

– Так ведь таковых родичей у нее половина Руси будет!

– Какой есть, – невозмутимо пожал плечами Кудеяр. – Нехорошо, коли девицу ни один мужчина из семьи не бережет. Тетка Евдокия, знамо, день и ночь при Соломее пребывает, в

целомудрии содержит. Однако же, коли за честь девичью саблей вступиться понадобится, что за прок выйдет от бабьих причитаний?

– Кого же ты так во дворце моем боишься?

– Так ты и сам, княже, в доме своем со стражей ходишь, – указал на рынд за спиной Василия Кудеяр.

Княжич оглянулся на бояр, дернул подбородком:

– За дверью обождите.

– Девка и тетка, что рядом с боярышней при госте находятся, это хорошо, княже. Однако и за дверью у порога крепкий воин не помешает.

– А ты воин крепкий? – медленно произнес Василий.

– Бояре рассказывают, неплох, – зловеще улыбнулся Кудеяр.

Василий, похоже, отлично понимал, что не из родства своего призрачного старается паренек, и очень хотел раз и навсегда избавиться от неожиданного соперника. Но наследнику русского престола уже успели объяснить, чем отличается власть от самодурства. Указывать свободной боярышне, чужой дочери, ему даже не родственнице, с кем ей встречаться можно, а с кем нет – было не в его праве княжича, пусть даже и будущего государя.

– Я зашел сказать, красавица заозерская, – Василий повернул голову к Соломее, – что раз уж ты так по батюшке своему соскучилась, велел я гонца к нему послать. Мыслью так, на перекладных вестник дня за три до Корелы долетит. Отец твой, коли поспешит, недели за три доберется. Тогда и обниметесь.

– Благодарствую, княже, – склонила голову девочка.

– Сторожи хорошо сию красавицу, боярин, – прямо посмотрел на Кудеяра наследник. – Я тебе доверяю.

– Да, государь, – скрипнув зубами, склонил голову боярский сын.

Последнее слово все-таки осталось за княжичем.

* * *

Княжны Милославские и Салтыковы, Горчаковы и Хлебниковы, Шаховские и Галицкие... Нет, не было у боярской дочери ни единой возможности сравниться с ними ни в богатстве, ни в кудесниках, с ловкостями завидными красоту наводящих, ни в снадобьях, облик улучшающих, ни в драгоценностях, ни в дороговизне платьев, девичий стан облегающих, ни в мехах, сие великолепие поддерживающих. Почти ни в чем не могла сравниться с соперницами Соломея – и потому даже пытаться отказалась. Облачилась на смотрины в один лишь льняной сарафан со скромной синей вышивкой по подолу и вороту, одетый поверх тонкой выбеленной сорочки. Невысокий роговый кокошник украшали лишь единый камушек солнечного янтаря в центре да немного бисера по краю, волосы покрывал простой платок с синими набивными цветами, косу же из чисто своих волос украшала лишь атласная ленточка. Ни вина пить, ни бока отлеживать, ни салом отъедаться, ни даже просто глаза зачернить девочка теперича наотрез отказалась – все едино и в этом княжны сильнее окажутся.

– Какова есть, ту пусть и видят, – сказала она тетке, пока Заряна старательно вычесывала ей волосы, избавляя от конских прядей. – Не то после первой же бани муж в монастырь пострижется, лишь бы жены, с таким тщанием выбранной, более не видать. Что есть, то и есть. Любуйтесь!

В этот раз смотрины были открытыми и торжественными. Не проверка повитухами в бане, не поглядывание на девиц в церкви и на пиру, не разговоры, якобы случайные, на праздниках. В этот раз объявлено было во всеуслышанье: Василий, сын Великого князя Ивана Васильевича, получившего прозвище Грозный за внушаемый врагам страх, решил остепениться и ныне в посольской зале Грановитой палаты жену себе выбирает! А на те смотрины явиться

соизволили от всех родов и сословий земли русской шесть княжон и одна дочь боярская из служилых людей Сабуровых...

Природа смиростивилась над московской знатью и к середине августа пролила на столицу земель русских обильные дожди, перемежая мелкое накрапывание буйными грозами. Жара спала, и потому гости, явившиеся на торжество в тяжелых дорогах шубах, доказывающих боярскую и княжескую родовитость, высокую должность, али просто приличное богатство – не истекали потом и не млели от духоты. Хотя, понятно, мучились все равно изрядно.

Отделанная золотом, расписанная картинами из Нового Завета, высокая посольская зала дворца шуршала мехами и сукном, перестукивалась посохами, гудела множеством голосов. Ныне сюда собралось столько людей, что при своих изрядных размерах палата все равно казалась маленькой. Снаружи, за каменными стенами, запели куранты башенных часов, возвещая полдень, и вместе с сими звуками распахнулась внутренняя дверь. В зал твердой походкой вошел Великий князь – с гладким еще, вовсе не старческим лицом, украшенным седой, коротко стриженной бородой, и с гладко бритой головой, прикрытой тафьей из вышитой золотом замши, в кашемировой, тяжелой от золота ферязи, поверх которой лежал легкий плащ – подбитая соболем епанча. Величие правителя державы доказывала не шуба, а широкое оплечье – ворот в локоть шириной, плотно усыпанный драгоценными самоцветами, лежащими поверх сплошного золотого шитья.

За государем, опираясь на серый, с рубином наверху, посох, степенно ступал митрополит, который мог позволить себе надеть лишь легкую серую рясу, спешила дворня – конюший, постельничий, кравчий, и лишь самым последним, с преувеличенной скромностью, ступал Василий – в одном лишь коричневом кафтане, из-под которого выглядывали замшевые сапоги, в однотонной тафье и с чистым, без украшений, поясе. Он скромно опустил голову, как и полагалось сыну, готовому принять отцовскую волю.

Иван Васильевич поднялся на возвышение, сделанное возле восточной стены, сел на резной трон слоновой кости. Свита пристроилась справа, митрополит остановился слева, Василий встал перед троном, лицом к отцу.

Зал притих.

– Понял я ныне, бояре, что сын мой, чадо, кое так долго считал я дитем малым и неразумным, вырос и возмужал, – с легкой хрипотцой провозгласил государь. – Помощником стал в делах державных, советы дает разумные, тревоги мои разделяет, в походы ратные просится. Сим доказал Василий, что пора ему покидать гнездо родительское. Мужем истинным становиться, продолжателем рода великокняжеского, отцом семьи и хозяином дома своего. Слышишь меня, сынок? Пора!

– Воля твоя, батюшка, – еще ниже склонил голову княжич.

– Посему, Василий, повелел я собрать со всей Руси дев самых красивых, душой и телом чистых, достойных разделить с тобой судьбу твою, ложе твое и заботы семейные, матерями стать будущих правителей священной земли русской. Посмотри на них и выбери ту, с коей разделишь жизнь свою отныне и до последнего смертного часа... – Великий князь откинулся на спинку трона и хлопнул в ладони.

Снова отворилась внутренняя дверь, но на этот раз в нее буквально всплыли легкой семенищей походкой семь девушек. Не поднимая глаз от пола, они бесшумно скользнули через зал и широкой полудугой остановились перед троном: чарующие красотой и статью, одетые все, кроме одной, в шелка и бархат, осыпанные драгоценностями. Все с толстыми, перекинутыми вперед через плечо косами с вплетенными в них лентами – знаком своей зрелости. Но еще немного – и кто-то из них разделит свою косу надвое, как положено замужней женщине, матери семейства, и начнет взрослую, самостоятельную жизнь.

– Да благословит тебя Господь, да направит он верно твою руку, – перекрестил княжича митрополит и передал ему в руку две темно-бордовые шелковые ленты: – Иди, избери себе достойную жену, а нам государыню, матушку земель православных.

Василий наконец-то развернулся, немного постоял в задумчивости, затем двинулся к краснеющим на глазах невестам. Остановился возле первой:

– Доброго тебе дня, красавица.

– И тебе доброго дня, всех благ и мудрости, Василий Иванович, – мелодичным, как журчание ручейка, голосом ответила девушка.

Княжич сделал шаг дальше и опять поздоровался...

Так он обошел всех гостей, после чего вернулся к единственной, одетой лишь в скромное белое платье и повязанной белым платком, и протянул ей шелковые ленточки:

– Вот, прими подарок мой скромный, неведомая красавица. Желаю, чтобы вплела ты эти ленты в косы свои, а судьбу свою с моею навеки переплела.

– Благодарствую за подарок сердечный, княже. – Девочка крепко сжала ленточки в правом кулачке, а княжич взял ее за левую руку и вывел вперед:

– Вот, батюшка мой Иван Васильевич, сию красавицу выбираю!

– Скажи нам, кто ты, дитя мое? – наклонился вперед Великий князь.

– Соломонией отец с матушкой нарекли, государь, – чуть приподняла голову девочка. – Дочь боярского сына Юрия Константиновича, внука Сабура.

Посольская зала ахнула, от стены к стене побежал шепоток:

– Худородная, худородная, худородная...

– Дщерь боярская Соломея в хоромх супруги моей покойной показала себя скромной, трудолюбивой и набожной! – громко и уверенно объявил Великий князь. – На увеселения и игрища московские не бегала, на торгу серебро не прогуливала. Приехав, делом первым к причастию подошла и заутрени посещала ежедневно, а все часы свободные рукоделию посвящала. Разве не таковой должна быть достойная жена и великая княгиня?

Соломея ощутила, как полыхнули у нее кончики ушей. Оказывается – за ней следили, и очень внимательно! А она-то думала – привезли и бросили, забыли в горнице далекой... Девушка лихорадочно вспоминала – не сотворила ли чего позорного? Но кроме прикосновения к руке Кудеяра – ничего на ум не приходило.

— Что же до худородства ее, — продолжил государь, — то нет ныне в обитаемых землях никого, кто знатностью с Великими князьями московскими сравниться способен! Коли нет деvy равной, то пусть будет та, что сердцу мила, дабы на других никого и смотреть не хотелось! Не по надобности державной брак сей заключаю, а токмо ради счастья сына своего. Пусть живет с супругой своей в любви и радости, в добре и согласии! Ответь мне, Василий, любишь ли ты Соломонию, дочь боярскую, так, что готов от прелестей прочих навеки отречься и токмо ей одной себя посвятить?

– Да, отец, люблю! – ответил княжич, уверенным своим ответом вызвав в душе девочки холодок безумного восторга.

– Сим объявляю Соломонию, дочь боярского сына Юрия, невестой сына своего Василия! – поднявшись с трона, объявил Великий князь. – Готовьте свадьбу!

И опять Посольская палата загудела от множества голосов, теперь обрадованных. Среди обрывков фраз легко различалось довольное: «...а Мирославские-то с носом опять остались...», «Горчаковы напрасно рот разевали!», «Салтыковы пусть место знают...». Кто-то даже крикнул:

— Долгие лета молодым! — но его не поддержали. Все же пока не свадьба.

Великий князь опустил свой взгляд и неожиданно обыденным тоном сказал:

– Ты, Вась, деву-то покуда отпусти. Глянь, у нее аж персты побелели, так стиснул! Не твоя она покамест. Вот как женой станет, тогда и володей.

Княжич с видимой неохотой отпустил Соломею, тихонько, только для нее, произнес:
– Потом... – и вышел из палаты вслед за отцом. Свита на этот раз семенила позади.

Отвергнутые красавицы, бросая на худородную девку не самые добрые взгляды, разошлись в стороны, к отцам и родственникам. Избранная невеста поспешила наружу – и тут же попала в горячие объятия тетушки и Заряны:

– Тебя выбрали, выбрали!!! – Евдокия на радостях даже расцеловала воспитанницу.

– Государыня! – с жалобным придыханием вторила Заряна.

Все вместе они отправились в Большой дворец и наверх, в терем. И там, у входа в пустое теперь строение, встретили боярского сына Кудеяра – коего, понятно, в Грановитые палаты никто не приглашал. Соломея увидела тоскливые глаза юноши, и радость разом погасла в ее душе, уступив место пустоте. Она поняла, что навсегда потеряла веселого паренька, которого уже почти видела в мечтах своим мужем, прикосновений которого так желала, встречам с которым так радовалась. И губы ее словни само по себе прошептали:

– Прости...

– Я понимаю, – совершенно чужим голосом сказал Кудеяр. – Кто он и кто я.

– Прости... – повторила Соломея.

– Государыней хотят стать все, – глядя ей через плечо, ответил боярский сын. – Место же одно. Коли твое оно, то иным токмо через смерть твою получить его возможно. Ранее опасности стереглись, теперь вдесятеро надобно.

– Прости...

– Василий стражу даст... Сим сторожам не верь, – наконец посмотрел ей в глаза боярский сын. – Он, может статься, тебя и выбрал, да свита его из родов знатных, и каждый свою дочь на твоём месте видеть мечтает.

– Кабы две судьбы имела, вторую тебе бы отдала, – клятвенно произнесла Соломея. – Но одна у меня жизнь, и сердце одно. Прости.

– Служанок ни на шаг не отпускай и берегись чужаков, – продолжил Кудеяр.

– Ты опять здесь, родственник? – появился на ступенях лестницы радостный княжич. – Ни на миг не отлучен?

– По воле твоей Соломею от опасностей оберегаю. – Если боярский сын и поклонился Василию, это было совершенно незаметно.

– Молодец, хорошо стараешься! Тогда посмотри, чтобы меня с невестой не тревожили, желаю наедине с ней переговорить.

– Невозможно сие, княжич, – хмуро ответил Кудеяр. – Пока она тебе не жена, одним вам оставаться невместно.

– Хорошо, пусть тетка будет.

– Баба она, коли что – устоять не сможет. Я же единственный здесь Соломее мужской родственник. Вас наедине не оставляю.

– Экий ты старательный... чрезмерно, – слегка опешил княжич. – Ты бы для усердия сего иное место лучше поискал!

– Всегда готов служить тебе, государь! – зло отчеканил боярский сын. – Коли в ином каком месте желаешь видеть, прикажи туда отправиться! Уеду не медля!

– Пока не государь, – прищурился княжич. – Но коли сего так хочешь, просьбу твою уважу.

– Надеюсь, место сие достойно будет великокняжеского родича, каковым я вот-вот стану? – от сдерживаемого гнева у Кудеяра зашевелились крылья носа.

– Можешь на меня положиться, родственник, – кивнул Василий. – Единственный мужской...

Он посмотрел на испуганную невесту, что стояла в шаге за спиной боярского сына, выдохнул и усмехнулся:

– Прямо как Змей-Горыныч невесту от витязя стережешь! Желает битвы у пещеры?

– До свадьбы ближе пяти шагов к Соломее никто не подойдет! – Боярский сын провел ладонями по поясу. Правда, сабли на нем сейчас не имелось.

– Да будет так, родственник полу мужского, – с легкой усмешкой согласился княжич. – Сторожи со всей своей рьяностью. Мы ведь сказки читали, знаем, чем все кончится. Кончится же история сия четвертого сентября, желанная моя. – Василий перевел взгляд на невесту. – Отец назначил день свадьбы. Еще две недели. Раньше с торжеством не успевают. Да и батюшку твоего дождаться надобно.

– Дольше ждали, – тихо ответила корельская красавица.

– Это верно, – улыбнулся наследник престола. – Подождем.

Василий спустился вниз. Соломея облегченно вздохнула, позвала:

– Пошли, Кудеяр.

– Не пойду, – покачал тот головой, усаживаясь на верхнюю ступеньку. – Здесь караулить стану! В тереме пусть Евдокия заправляет. Нельзя к тебе в дом мужчинам входить. Невместно.

– Ты же родственник!

Боярский сын поднял на нее угрюмый взгляд, и девочка поняла, что шутка умерла. В душе Кудеяра она стала отрезанным ломтем. Он еще был готов ее охранять. Но прикасаться к ней – больше уже нет.

* * *

Сын Великого князя сдержал свое слово. В конце августа он самолично привел к невесте наконец-то добравшегося до столицы отца, а пока Соломея и Юрий Константинович обнимались, протянул стоящему у входа в теремный дворец пареньку тугой свиток:

– Вот, держи, боярский сын Кудеяр из села Тишенкова, грамоту Разрядного приказа. К князю Петру Оболенскому в Серпухов отправишься, на Оку, порубежье наше южное стеречь. В письме указано, что в родстве с Великим князем ты состоишь и потому тебе место воеводы полагается, не менее. После свадьбы можешь отправляться.

– Служба государю не терпит отлагательств, княже, – принял приказ юный воин. – Здесь я более не надобен, Юрий Константинович сам о дочери позаботится. Отправлюсь с рассветом!

Он чуть дернул подбородком, но в сторону Соломеи голову все же не повернул. Поклонился только княжичу и бегом умчался по лестнице вниз.

4 сентября 1505 года

Москва

Москва гуляла и веселилась, как это умела делать только она. Звенели во всех храмах колокола, кричали скоморохи, рычали медведи, хохотали, раскачиваясь на качелях, девицы в легких летних сарафанах. Купцы выставили столы прямо на улицы, угощая всех желающих пивом и брагой, куличами да расстегаями. В домах боярских и княжеских наливали уже вино, да не дешевую петерсемену, а немецкое да гишпанское, кормили бужениной и белорыбицей. На улице знатные рода столов не накрывали – зато в дом пускали с охотой, был бы прохожий опрятен да не сарацин.

Знамо, пустили бы и сарацина – но токмо при условии, что за здоровье молодых хоть ковш, да выпьет!

А как иначе? Сын князя Великого женится! В такой день скупиться, скромничать, трезвым да грустным ходить – грех великий. Получится свадьба веселой, сытой и богатой – такова и жизнь у молодых окажется. А коли государь зажиточен да весел – стало быть, и в стране изобилие! Ведь не бывает богатых правителей в нищей державе. Станет семья государева детьми обильной – то покой и уверенность на многие века. Коли есть прямой законный наследник у

правителя – ни смут, ни споров за власть, ни усобицы уже не затеять. Ведь каждому понятно, кто по закону и обычаю на трон садится, а кто обман затеял.

Так что гуляй и веселись, Москва, – старший сын Великого князя мужчиной становится! Крепка семья государева – крепка и Русь Святая!

Таинство венчания началось после полудня – после того как боярский сын Юрий Константинович привел к алтарю Благовещенского собора свою дочь. Одета она была почти как на смотрины – в сарафане скромном, чисто-белом, без вышивок и украшений. Только на голове девочки лежала белая полупрозрачная кисея, скрывая от посторонних взоров не только волосы, но и лицо.

Соломея не слышала службы. Она просто не верила в происходящее. С того самого мгновения, как ее подняли из постели, боярской дочери казалось, что она все еще находится во сне, что все это происходит не с ней, что все это есть странное невероятное наваждение: она, небогатая худородная девочка из окраинной крепости, еще недавно собиравшая землянику в берестяное лукошко, – и вдруг венчается с сыном Великого князя! Соломония очень старалась проснуться, чтобы рассказать о чудесном сне отцу и сестре – но у нее никак не получалось.

А потом вдруг наступила тишина. Соломея поняла, что все вокруг, многие сотни людей, смотрят на нее и, затаив дыхание, ждут ответа. Она облизнула враз пересохшие губы и легонько кивнула:

– Да...

Княжич Василий в кафтане с высоким воротом поднял ее руку, надел ей на палец кольцо. Соломея зачарованно повторила его поступок.

Тогда молодой человек поднял кисею невесты, решительно отталкивая куда-то назад, наклонился и крепко поцеловал в губы.

И наваждение спало – ибо подобного поцелуя присниться уж никак не может.

В тот же миг Благовещенский собор зазвенел колоколами, и его радостную весть перехватили прочие церкви и звонницы.

Василий Иванович взял супругу за руку и вывел ее из храма.

Праздник продолжился пиром... Для всех, кроме княжича и Соломеи. Они, по издревле заведенному обычаю, сидели во главе стола, не притрагиваясь ни к питью, ни к яствам.

По счастью – не очень долго. Уже часа через три родители отвели молодых в одну из просторных горниц Грановитой палаты, в центре которой были накрыты простынями толстые хлебные снопы. Так уж на Руси заведено – молодым первую ночь проводить на снопах, дабы брак был таким же урожайным, как бесчисленные пшеничные колосья.

– Наконец-то, – облегченно перевел дух княжич, когда за ними закрылись двери, и повернул Соломею лицом к себе. Снял кисею с ее волос, отбросил в сторону, не отрывая глаз от лица.

– Ты чего? – забеспокоилась девочка.

– С того самого мига, как ты меня окликнула, губы твои из головы не идут, – признался Василий. – Так поцеловать их хочется, прям мурашки по спине.

– Когда ты на смотринах прошел мимо меня, я решила, что все, больше не увижу. Аж сердце замерло, – ответила признанием на признание Соломея.

– К каждой, кто пришла, прилюдно уважение проявить следовало... – сказал княжич, не отрывая глаз от ее лица. – А уж потом избранницу указывать. Иначе обиду причинить можно.

– Твой отец знал, что ты выведешь меня?

– Ты моей стала с того мига, как я губы твои увидел. Не знаю чем, заморозили... Ай, – княжич вдруг тряхнул головой, отступил, покрутился. – Горчак сказывал, где-то тут курица запеченная спрятана и мед. Дабы мы не оголодали.

Соломее стало обидно, что ее променяли на курицу – однако княжич уже опять смотрел на нее.

– Так ты меня поцелуешь? – спросила она. – Теперь можно.

Василий медленно приблизился и, глядя девушке в глаза, развязал пояс сарафана. Юная жена подчинилась его желанию и вскоре оказалась пред мужем совершенно обнаженной. Княжич сделал шаг назад, любуясь совершенной красотой, потом подхватил на руки и отнес на бугристое шуршащее ложе. Его ладони скользнули по телу девушки, лаская и познавая, порождая новые, странные и приятные чувства. Глаза же продолжали смотреть в самые зрачки, пока наконец Василий не наклонился к столь желанным губам и не впился в них поцелуем. Не тем целомудренным прикосновением, каковое случилось в церкви, а жадным, долгим и страстным, увлекая юную Соломею в сладкую бездну новой жизни.

* * *

Утром хлопотливая Заряна, наряженная в новый сарафан из синей бумазеи, старательно расплела хозяйке косу и превратила ее в две, вплетя подаренные ленты.

– Ну, и как оно, боярыня, – осторожно спросила она. – В женах-то?

Соломея посмотрела на нее через серебряное зеркало и слабо улыбнулась:

– Ах, Заряна... Какая же я счастливая!

* * *

К счастью боярского сына Кудеяра, он этих слов не слышал. В этот самый час он стоял перед сонным князем Оболенским, ожидая, пока престарелый воевода дочитает полученный приказ.

– Ишь ты, великокняжеский родич, – хмыкнул тот. – Воеводой его ставь! Боярский сын, да еще и третий в роду... Кто же под тебя пойдет, такого? Меня с таковым воеводой сварами местническими загрызут! Третий в роду... Младше тебя, Кудеяр, токмо пескари в реке оказаться могут!

Воевода подумал, рассеянно накручивая на палец сплетенную в бороде седую косицу, потом решил:

– К Тарусе поедешь. Застава там есть у заброшенного брода. Три казака при ней да два татарина. Эти за место рядиться не станут, послушаются. Коли выйдет, то детей боярских опосля подошлю, столь же худородных. А там видно будет. Место невелико, да воеводское, как наказано. Скачи, служивый. Принимай твердыню.

* * *

Спустя месяц Великий князь Иван III Васильевич неожиданно преставился. На трон вступил Великий князь Василий III Иванович.

Вместе с ним Великой княгиней, всевластной государыней всея Руси стала пятнадцатилетняя Соломония, худородная девочка из маленькой крепости Корела.

Глава вторая

21 августа 1510 года

Застава на берегу Тарусы

– Тата-а-ары! – влетел во двор на взмыленном неоседланном жеребенке вихрастый русский мальчишка. Босой и без штанов, в одной лишь рубахе из серого домотканого полотна, лет семи на вид. Он был тощим, большеглазым и скуластым... под стать годовалому чалому жеребенку, сквозь шкуру которого проступали ребра. – Спасайте, татар-ры-ы!!!

Ребенок скатился со спины своего скакуна и упал на колени возле коновязи, размазывая слезы по щекам.

Однако порубежники отреагировали на тревожную весть на удивление спокойно. Караванный у ворот лишь вышел на середину проезда, посматривая вдоль реки, словно убеждаясь, что за вестником никто не гонится, другой ратник, скупавший на крыльце, вошел в дом.

Застава была небольшой: крытая тесом изба с двумя трубами, двадцати шагов в длину и чуть меньше в ширину, пара небольших сараев с жердяными стенами да длинный навес с яслями, пригодный разве лошадям непогоду перестоять. Место, где можно отдохнуть мелкому отряду, выспаться в тепле, сложить скромные припасы, – и ничего более. Случись серьезная беда – так тут даже оборонять нечего, а потому вместо тына двор окружала банальная деревенская изгородь из поставленных наискось слег.

Здесь было тихо и пусто – мальчишка даже выть стал вполголоса, словно осознавая бесполезность своих стараний.

– Сказывай! – вдруг громко потребовал стремительно вышедший на крыльцо боярин.

В этом воине трудно было признать недавнего боярского сына Кудеяра, юного и смешливого. За минувшие годы молодой воин успел обзавестись русой курчавой бородкой и густыми усами, чуть раздался в плечах, взглядом стал суров и даже, пожалуй, мрачен. Одет же он был ныне и вовсе по-крестьянски: шапка суконная, рубаха полотняная, коричневые полотняные же штаны и короткие, того же цвета сапоги.

Впрочем, мрачность сия могла стать лишь беспокойством из-за тревожного известия.

– Татары Жуковку грабю-ю-ю-ю-т!!! – опять завыл в голос малец. – Числом несметные, налетели, ако саранча-а-а! Дядьку Парку зарубили-и-и-и! Баб иных прям у колодца повязали-и! Спасайте, родненькие-е-е-е!!!

– Откуда налетели? Заметил? – спокойно, но сурово спросил Кудеяр.

– Дык с верховья шли, – всхлипнул мальчик. – От Телепневки.

– Если дальше вниз по реке двинутся, воевода, – вышел из избы еще один молодой воин, но с черной бородкой и в войлочном поддоспешнике, – то наверняка от старицы к югу отвернут. Ночевать в деревнях не станут, заботятся. Поймаем ведь. Им еще засветло надобно с путей торных отойти.

– В Жуковке они, служивые, в Жуковке! – опять взвыл малец. – Выручайте!

– Да нет их уже там, пацан, – поморщился второй воин. – Пока ты скакал, разорили уже и дальше двинулись. Перехватывать их надобно, а не по следам, ровно псы гончие, носиться.

– Коли с добычей, быстро идти не смогут, – задумчиво покачал головой Кудеяр. – В набег налегке помчатся, обозы же с добром награбленным и полон сразу в степь попытаются увести. А для сего самый путь удобный не через старицу, а вдоль Любки и к Серому броду. Оку перейдут, расслабятся. Решат, что обошлось... Зови лошадей с выпаса, Дербыш. Одвуконь пойдем, налегке. Броню и припас навьючивайте, сами в седла. Давай!

Молодой воевода похлопал помощника по плечу и ушел обратно в избу. Дербыш же сунул пальцы в рот и несколько раз протяжно, залихватски свистнул. Вскорости ему ответил двойной

свист со стороны заливных лугов. Порубежник удовлетворенно кивнул и тоже отправился в дом.

Вскоре двор заставы наполнился суетой. На пригнанных с выпаса лошадей легко одетые воины набрасывали потники, клали седла; на иных навьючивали скатки и мешки, набрасывали чересседельные сумки.

Почти все порубежники были молоды, не более тридцати годов. Половина – и вовсе еще безусые юнцы. Однако трудились все быстро и слаженно, занимаясь явно привычным, повседневным делом. Вроде как и не спешил никто – но уже через час после известия о татарском набеге порубежная рать из трех десятков боярских детей и холопов уже выехала из ворот к ближнему броду. Все они скакали налегке, лишь опоясанные саблями. И потому отдохнувшие лошади шли ходко, на рысях, словно вовсе не замечая всадников на своих спинах.

Южный берег Оки на первый взгляд мало чем отличался от северного – те же леса, перемежающиеся обширными полянами, те же овраги и болотины, те же птицы в небе и тот же горьковато-пряный запах, словно от недавнего пала. Однако отличие имелось. Если на северной стороне реки стоял лес, местами разрываемый лугами, то на юге – уже луга разделялись пусть еще обширными, но не сплошными борами и перелесками. И потому между собой порубежники эту сторону называли чуждым русскому уху названием: «степь».

Именно отсюда, из степных глубин, то и дело возникали тати и душегубы, приходящие грабить русские земли, и именно туда они увозили украденное добро и туда угоняли взятый в деревнях полон... Если, конечно, мимо порубежной стражи пророчиться получалось.

Получалось же сие отнюдь не часто.

Здесьняя лесистая степь только казалась свободной для пути в любом направлении. Коли не знать дороги, то запросто можно забрести на луговину, с двух-трех сторон окруженную болотом, или наскочить на овраг, в котором и пешему, перебираясь, недолго ноги переломать или оказаться на пути, вдоль которого на много верст ни реки, ни родника не встретишь, – а без воды ведь ни зверю, ни человеку далеко не уйти. Есть же, наоборот, места удобные, где и водопой чистые каждые десять верст встречаются, и боры по пути есть сухие, валежником богатые, и дорога ровная – иди да иди.

Вот на таких путях обозы или рати ловить и надобно...

Кудеяр за несколько лет окрестные земли успел изучить чуть не до каждого кустика и потому скакал уверенно, без колебаний направляя гнедую кобылку на, казалось бы, непролазные заросли, – и те расступались, открывая воинам узкие тропинки, либо сворачивал в овраг – и там обнаруживался пологий склон, либо уверенно пересекал топкие вязи – и под подковами обнаруживалась не трясина, а мелко дрожащая гать.

Через три часа воевода спешил на поросшей васильками поляне, вытянувшейся вдоль ивовых зарослей, и громко скомандовал:

– Привал! Духаня, возьми двух холопов и к протоке в дозор. Разъезд татарский появится, сойкой крикните и сразу таитесь. Нам раньше времени выдать себя нельзя. Алай, коней на выпас на левую сторону отгони, тамошний луг от протоки не видно. Костров не разводить! Так отдыхайте. Татары с обозом идут, им сюда за день не добраться. Разве к полудню завтра прибредут. Да и то вряд ли...

Воины сняли с лошадей седла и груз, расстелили на траве кошмы, попоны или шкуры – кто с чем в исполнение пришел. Кто-то достал себе из припасов краюху хлеба, кто-то – кусок копченого мяса, несколько порубежников взялись править клинки, но большинство просто растянулись во весь рост, греясь на солнышке.

Даже в ратной службе имелись свои маленькие радости. Ты спишь, а жалованье казна начисляет.

Вечер и ночь прошли спокойно, а с первыми лучами солнца воины облачились в толстые стеганые или войлочные поддоспешники – это уж кому как больше нравится, поверх них

надели броню – кто сверкающие, начищенные песком кольчуги, кто колонтари, набранные из маленьких железных пластинок и потому похожие на рыбью чешую, кто юшманы – в каковых пластины были очень большими, всего шесть штук на всю грудь помещалось. Головы молодых мужчин украсили остроконечные шлемы, пояса оттянули сабли, топорики и шестоперы. Некоторые из них тихо молились, другие откровенно скучали. Но молчали все – таков был строгий воеводский приказ. Отдохнувшие за ночь боевые кони перебирали копытами, стоя под седлом, – тоже дожидались своего часа. И, словно понимая всю важность скрытности, тоже молчали.

Опытный Кудеяр оказался прав – сойки раскричались и тут же затихли, едва солнце перевалило зенит.

– По коням... – тихо распорядился воевода, самолично затянул обе подпруги своего седла и взметнулся кобыле на спину. Перехватил удобнее рогатину, украшенную под наконечником тремя лисьими хвостами.

Порубежники последовали его примеру.

Еще немного ожидания – ивовые ветки затряслись, на поляну выбрались дозорные.

– Прошел разъезд, боярин! – выдохнул Духаня, отирая пот со лба. – Уже и обоз слышно, эвон как колеса скрипят. Вестимо, до упора возки нагрузили, ступицы трещат.

– В седло! – приказал ему воевода и тронул пятками бока кобылки.

Лошадь двинулась вперед, раздвигая грудью ветви. Две сотни шагов, всего полста сажень – и Кудеяр выехал на край еще одного луга, пахнущего тиной и пылью – обычный запах пересохшего к осени мелкого болотца. В ста саженьх впереди так же неспешно, даже устало, ползли вдоль самого речного берега темные татарские всадники: стеганные ватные халаты, меховые шапки, обветрившиеся древки пик. Последние два-три дня, понятно, случились у разбойников насыщенными, и даже выносливые степные скакуны сейчас еле переставляли ноги.

Воевода резко выдохнул, послал гнедую в разгон и стал медленно опускать рогатину, готовясь к сшибке.

– Неверные!!! – Степняки, понятно, опасность заметили, повернули навстречу, тоже попытались разогнать лошадей во весь опор. – Ал-ла, ал-ла! Рус, сдавайся!

Две сотни сажень скакуны пролетели в считанные мгновенья. Кудеяр выбрал было своей целью остроносого татарина с тонкими усиками, окаймляющими верхнюю губу и уходящими вниз, с округлой железной мисюркой вместо шапки и нашитыми на халат позолоченными пластинами – явно не простой тать, из ханов. Но внезапно, всего в десятке шагов, лошадь под басурманином оступилась – и тот с громкой руганью кувыркнулся воеводе под копыта.

Кобыла взметнулась в прыжке. Опускаясь, порубежник резко толкнул вперед рогатину, метаясь в голову другого татарина, но степняк успел прикрыться щитом, наконечник скользнул по дереву, оставляя глубокую борозду, – и они разминулись.

Кудеяр заметил блеск стали слева, тоже закрылся, сам опять ударил рогатиной вперед, чуть выше плеча совсем юного татарчонка. Мальчишка пригнулся, радуясь своей ловкости, – и широкий наконечник вошел глубоко в грудь скачущего за ним морщинистого басурманина в крытом атласом халате – тот подобной шутки не ожидал и даже не попытался спастись.

Воевода отпустил древко копья – все равно не выдернуть, – откинулся назад, уклоняясь от пики, ударил ее владельца окантовкой щита по колену, промчался мимо, выхватил саблю, рубанул очередного врага – но попал по клинку, высекая искры, проскакал дальше, резко наклонился, подставляя спину под вскинутую саблю, сам уколол татарина под ребра.

Добротная суздальская кольчуга удар выдержала, не расползлась – а вот стеганный халат его острия остановить не смог, и степняк стал заваливаться из седла.

– Ал-ла!!! – Очередной басурманин попытался насадить воеводу на копьё. Кудеяр вскинул щит, и от сильнейшего удара тот сразу улетел в сторону. Зато порубежник успел быстро

и хлестко, с оттягом, рубануть пронсящегося врага поперек спины, и халат на том расползся так глубоко, что стали видны осколки кости.

Все! Впереди были лишь склонившиеся над протокой березки. Воевода потянул левый повод, разворачиваясь.

Недавно зеленая лужайка, поросшая сочной осокой, ныне была вытоптана, залита кровью, усыпана стонущими, еще шевелящимися телами и омерзительно воняла парным молоком. Из полусотни татар в седлах не осталось ни одного – против слитного удара одетой в железо русской кованой рати у легконогих степняков шансов нет. Однако и из порубежников верховыми осталось всего два десятка витязей.

– За мной! – взмахнул саблей Кудеяр, устремляясь к длинному обозу, извивающемуся у самой реки.

Возничие, понимая, чем для них все это кончится, попрыгали с облучков и кинулись кто куда – кто в ближние кусты, а кто и вовсе в воду, по грудь в ряске перебираясь на другой берег протоки. Их пленники, привязанные к задкам телег на длинные веревки, наоборот – радостно закричали, благословляя небеса.

Победители не спешили ни собирать своих раненых, ни освобождать татарский полон, ни добывать покалеченных разбойников, ни преследовать беглых. Они отлично понимали, что схватка еще только начинается.

– Дербыш, как всегда! – махнул рукой в сторону выступающего на луг кустарника воевода. – Рогатины разбирайте, други!

Пятеро порубежников, отделившись от и без того крохотной рати, поскакали к зарослям бузины, остальные закрутились по полю брани, выдергивая из татарских тел застрявшие в них копы.

– Троих наших токмо спешили, – подъехав к воеводе, холоп протянул ему рогатину с тремя лисьими хвостами и треснутый сбоку круглый татарский щит. – Так целы, подсобят, коли смогут.

От хвоста обоза слышались гиканье, посвист, громкие выкрики. Замыкающий отряд разбойников, что должен был оберегать добычу от преследователей, мчался вперед, на помощь попавшим в засаду товарищам. Не было у басурман возможности ни обойти врага, ни окружить и выматывать долгими часами, издали забрасывая стрелами. Им нужно было как можно быстрее опрокинуть неожиданное препятствие – и уйти, раствориться в степи, пока в помощь заслону не подошла более сильная рать. И потому степняки сразу пошли на сшибку, надеясь опрокинуть порубежников числом, благо было их чуть не впятеро супротив полутора десятка врагов.

– Плотнее держись!!! – только и успел крикнуть Кудеяр, и опустивших копы ратников захлестнул татарский поток.

В этот раз сразу несколько первых степняков оказались жилистые, морщинистые, в дражных засаленных халатах и мохнатых шапках, отороченных простым заячьим мехом. То ли самые опытные из татей, то ли самые никчемные. Впрочем, что молодой, что старый – пики у татар одинаково острые.

– Ал-ла!!! – Налетевший старикан приметился Кудеяру копьём в грудь. Воевода закрылся щитом, толкнул его вверх, отводя удар в небо, сам же любимой уловкой толкнул рогатину над плечом врага, метясь не в ближнего разбойника, а в того, что сзади. И опять удачно, попав неготовому к отпору ворогу точно в горло.

Лошадь старика врезалась в скакуна Духани, жалобно заржала, поворачиваясь боком, татарин от толчка качнулся вперед, опустив щит, – и Кудеяр, не упустив столь удачной возможности, с размаху ударил его в основание затылка окантовкой своего, заметил краем глаза движение, вскинул щит. Тот жалобно хрустнул и развалился. Брошенную пику, впрочем, остановил.

Воевода бросил бесполезную уже деревяшку, потянул из петли топорик, попытался уколоть татарина в ответ – но наконечник рогатины бессильно ударил в медный умбон.

Смертельная схватка неожиданно угасла. Передовые всадники кто погиб, кто согнулся от боли, не в силах продолжать боя – и скакуны с опустевшими седлами разделили врагов, зажатые меж двумя отрядами. В краткой тишине стали слышны вскрики, стоны, пение тетивы. Это пятерка боярского сына Дербыша, пропустив мимо себя татарскую лаву, теперь торопливо расстреливала из луков спины увлекшихся сечей врагов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.